

Виктор Алдышев

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Серия "ВОЗВРАЩЕНИЕ"

Возвращение

Виктор Алдышев

Возвращение

«Автор»

2019

Алдышев В.

Возвращение / В. Алдышев — «Автор», 2019 — (Возвращение)

Человечество ведёт борьбу с инопланетными захватчиками. На землю прибыли корабли с опасными особями, заражающими людей генетической мутацией, в результате которой они становятся монстрами, подконтрольными пришельцам. Майор РХБЗ РФ Дмитрий Бестужев работает над лекарством от мутации, но чтобы создать его, нужно подобраться вплотную к Альфе – главной особи, самому смертоносному существу на планете.

© Алдышев В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1: Разведка боем	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Алдышев

Возвращение

Часть 1

Глава 1: Разведка боем

1.

Над головой грохотали залпы крупнокалиберных орудий. При каждом затылок майора Дмитрия Бестужева обдавало горячей волной.

Учёные работали прямо в яме. Приходилось придерживать мутанта руками, зажимы на операционном столе могли отказать в любой момент. Панель над батарейным отсеком проломилась при падении, и острый край вышиб внутренности. Так что функционировала только половина устройств.

Но диагностическая панель работала. Дмитрий, упираясь локтём в огромную тварь, успевал смотреть на показания. Дисплеи отображали данные с медицинских сенсоров.

– В стороны! – приказал майор, чтобы брызги крови не попали людям в лица, и парни в тот же момент отвернулись от стола.

Бестужев выстрелил в упор в бок мегистотерия. Жуткий рёв монстра не заглушила даже канонада. Он ослабил сопротивление, и майор вогнал наконец шприц с ядерной дозой анестетика в его шейную вену.

– Так, мне нужен позвоночник с БПУ, кусок кожи и язык с железой. Всё, что успеем!

Команда учёных облепила мутанта устройствами извлечения образцов.

– Позвоночник без повреждений не достанем, – успел сказать старший лейтенант Паша Третьяков – первый помощник главного учёного, прежде чем Дмитрий сам это понял.

Не работали устройства пункции операционного стола. Штативы с электроскальпелями плотно сидели внутри гнезда.

Над головами учёных небо рассекли огненные полосы со шлейфами дыма – полетели снаряды. Артиллерия вела огонь, сдерживая вторую волну мегов, пробивающихся от улья к позиции учёных.

В яму спрыгнул командир группы десантников капитан Костя Багиров:

– Так, сухари, отходим!

– Пока не можем, – бросил Дмитрий. – Техники ушли?

– Да, только что.

– Пусть возвращаются.

– А, чёрт! – Костя быстро связался со взводом огневой поддержки: – «Вишня», дежурный техник остался?

– Да, у нас! – прорвался сквозь грохот ответ.

– Быстро к нам!

– Есть... – спустя мгновение из наушника донеслось: – Лейтенант, на точку В1, быстро!

Прикрыть лейтенанта!

Это с позиции РСЗО «Град» к месту работы учёных побежал техник.

– Вызвал! – крикнул Костя Дмитрию. – Времени мало, меги в пятистах метрах. Всё, заканчивай!

– Не без образцов.

– Майор Бестужев, сейчас же...

Дмитрий отвлекся на секунду, чтобы убить взглядом любого, кто попытается оторвать его от работы:

– Это бета-особь! Без образцов не уйдём!

– Чёрт, сухарь учёный... – Костя вставил новую обойму в автомат. – Ты как всегда, блин. Быстрее давай!

По опыту знал, что с руководителем группы спорить бесполезно. Если Бестужев сказал, что не уйдёт, значит, можно только вынести, но для этого придётся вырубить. А это тоже нелегко!

Майор высокого роста, жилистый, выносливый, и ко всему прочему спец в рукопашном бое. Последняя попытка убрать его с поля силой закончилась для Багирова ушибом челюсти. При том, что сам был такого же роста, как Бестужев и шире его в плечах. И моложе. Пусть всего на три года, но всё равно – Бестужев в твои тридцать пять его сделал.

В яму прыгнула молодая женщина крепкого телосложения в шлеме, с автоматом и сумкой техника за спиной. Потратила секунду, чтобы вдохнуть воздуха после быстрого бега, и выдала:

– Лейтенант Лазарева по вашему приказанию...

– Анна, сможете запустить пункционный сектор? – не отвлекаясь от работы, спросил Дмитрий.

Он уже по локоть залез обеими руками в пасть мутанта, пытаясь достать до основания языка.

– А-а... – буква была протянута лейтенантом очень неуверенно.

Костя взглянул на неё. У Лазаревой и без того была светлая кожа, а сейчас Анна побледнела до синюшного оттенка, глядя на мутанта, которого заживо разделявали четверо биологов. Явно испытала тошноту, потому что резко выдохнула, сглотнула, прошептала:

– Боже ж мой...

– Попробуйте! – Дмитрий так и не повернулся. – Нам надо всего три минуты работы.

Лейтенант собралась, опустилась на четвереньки, проползла между ногами Бестужева и Третьякова к пробитому батарейному отсеку, повозилась там секунд десять, выползла обратно, раскрыла сумку, извлекла портативную заряжающую батарею.

Наверх старалась не смотреть.

Над головами, уже совсем близко раздался рёв. Десантники взвода Багирова, державшие оборону над воронкой взрыва, в которой работали учёные, прыгнули в неё, прижимаясь к косым стенкам.

– Капитан! Подошли на сто метров! – крикнул сержант Андрей Никитин, быстро меняя обойму. – Наверху оставаться нельзя!

Любая из этих тварей могла преодолеть два десятка метров одним прыжком. Так что до ямы им всего три, четыре толчка от земли.

– Мы уходить-то собираемся? – Роман Конев протёр ладонью лицевую часть шлема.

Пыль поднималась от разрыва снарядов и ложилась на толстый пластик плотным слоем, закрывая обзор.

– Дим, заканчивай! – рявкнул Костя.

– Ещё минута!

– Чёрт, лейтенант Лазарева!.. – командир охраны учёных собрался было наорать на неё за всё ещё не работающий стол, но обернувшись, увидел, что штативы с инструментами поднялись из гнезда. Пошёл ток на этот контур.

– Аня, молодец! – высказался Костя по этому поводу, и обернулся стрелять дальше.

Десантники заняли позиции наверху воронки, откуда было видно ближайшие песчаные сопки. Там мелькали серебристые спины мутантов. Они передвигались вокруг занятого людьми провала в земле, ища подход.

Дмитрий схватил голову мегистотерия и прижал его затылком к устройству. От звука мощного бура, пробившего череп, Лазарева сплонула, пытаясь сдержать рвотный позыв.

– Почти сделали, лейтенант, – произнёс Дмитрий, бросив на неё быстрый взгляд. – Не смотрите сюда.

Сам как раз выдирает обеими руками позвоночник из тела мутанта, упираясь ногой в стол.
– Не смотрю, – хрипло прошептала Анна.

Она сидела внизу, охраняя драгоценную связку проводов, соединивших батарею и стол.
На поясе Кости ожила рация:

– Багиров! Твою мать!.. Учёные ещё там?! Уводи всех! Сейчас накроем!

– Запрашиваю вертолёт! – крикнул Багиров в ответ. – Можем добраться только до точки эвакуации!

Бежать на своих двоих сейчас смысла не было. Метров сто максимум пройдут, и мегги их догонят.

– Подтвердите отсутствия Альфы на поле, – это был уже голос пилота.

Вертолёт наблюдения кружил в семи километрах от места боя.

– Подтверждаю, Альфы нет! – крикнул Костя.

– Точка эвакуации А2, – раздалось немедленно, – две минуты.

Капитан обернулся к Бестужеву:

– Ты слышал? Две минуты!

Дмитрий отпустил пункционное устройство, сдёрнул с него конец извлечённого позвоночника со светящимся БПУ, скатал его, как ленту в рулон, и сунул в контейнер.

– Образец кожи?! – крикнул он.

– Есть! – отчитался Паша, закрывая герметичную упаковку с куском снятой шкуры.

– Всё, отходим! – приказал Дмитрий. – Стол оставляем.

Лазарева выдохнула, сдёрнула провода, пихнула всё в сумку.

Бестужев бросил контейнер с позвоночником Паше:

– Неси!

Сам быстро поднял Анну за плечо:

– Вы в норме?

Он мгновение осматривал её лицо под слоем пыли. Но всего мгновение. Больше тратить нельзя.

– Да, да... – Лазарева сглотнула.

Дмитрий навесил свою сумку на плечо, схватил лейтенанта под локоть и побежал вместе с ней к Косте:

– Выводи нас!

Группа учёных под охраной десантников поднялась из воронки, и буквально через пару секунд в их спины ударила взрывная волна. Снаряды накрыли оставленную позицию. Системы залпового огня «Град» в десяти километрах от места боя были единственной причиной, по которой биологов и десантников пока не сожрали.

Впереди них, поднимая клубы пыли, садился вертолёт, а позади, прыгали через ямы монстры трёхметровой длины, высотой в холке под два метра.

Лазарева оглянулась всего на мгновение. Майор Бестужев так и тащил её за локоть, что было очень кстати сейчас. Сама она в полной амуниции и с ремонтной сумкой так быстро не бежала бы.

Среди всей массы мегистотериев выделялись две или три бета-особи – хищники, с телом почти четыре метра длиной и выше своих собратьев на голову. Серая кожа всех мутантов казалась гладкой, но при движении было заметно, как свет падает с пластины на пластину. Чешуя была гибкой и крепкой, настолько, что пуля нового, разработанного специально под мегов АК-147, убивала монстров только в упор. Этой броней был покрыт даже череп, хотя прочность

самого черепа с широко расставленными челюстными костями, была сравнима с металлом. Двигали эту мощь два сердца размером со слоновые, что обеспечивало высокие скоростные и силовые качества мегистотериев, несмотря на их размеры.

Десантники ещё не загрузились, а над работающими лопастями вертолёт уже пролетели снаряды. В спину людей ударила взрывная волна, и всех швырнуло в салон, но Анну удержал Дмитрий. Оба упали на землю, потому что майор молниеносно пригнулся, заодно свалив женщину.

Сквозь мощный гул винтов прорвался злой голос пилота:

– «Вишня! Мать вашу, охренели?! Мы ещё на месте!

– Лейтенант, уж простите, – Бестужев поднял Анну за шкирку, несмотря на приличный вес вместе с амуницией, и подбросил в салон. Запрыгнул сам.

– Все на борту! – крикнул Багиров, захлопывая за ним дверь.

Чувство резкого взлёта пощекотало живот, взрывные волны и грохот снаружи сотрясли вертолёт. Люди быстро заняли места, пристегнулись. Десантники сняли шлемы. В поле их носили в буквальном смысле от «плевка в лицо». Слюна и кровь мутанта содержала взвешенные бактерии, контакт с ними был опасен, а некоторое время назад, до разработки специальных средств дезинфекции – смертелен.

Но учёные надевали средства защиты не всегда, в них работать было неудобно. Поэтому носили с собой бактерицидные спреи. И сейчас распыляли их на лица и руки из баллончиков. Салон наполнил химический запах.

– Понеслась, – усмехнулся Костя, снимая шлем. – Собираясь на природу, не забудьте спрей от мегов. Лейтенант... – он взглянул на Лазареву. – Вы как?

Багиров всегда жалел лейтенанта. В том смысле, что Анне с ними приходилось тяжело. До сих пор сидела с белым лицом. Даже шлем пока не сняла. Приходила в себя. Видимо, тошнота ещё не прошла.

Так и было. Но глядя на широкую улыбку капитана Багирова, Анна всё-таки кивнула:

– В норме.

На улыбку Кости не отреагировать было просто нельзя. Белые крепкие ровные зубы за чувственными, в меру для мужчины губами, радовали глаз.

Только взгляд у него был тяжёлый, но Анна давно поняла, что это просто особенность строения лица, и никак не отражает характер. Кожа у Багирова была светлая, как и шевелюра, а сейчас загорела под степным солнцем, так что оттенила серо-голубые, глубоко посаженные глаза. Прямые брови располагались близко к ним, что и создавало впечатление «тяжёлого взгляда». Но на его обще-положительный настрой это не влияло.

Бестужев закончил с санитарной обработкой, убрал спрей в карман, растёр состав по лицу.

– Посмотрели друг на друга, – приказал он. – Царапины, ссадины, синяки?

Десантников не касалось, только учёных. Парни посмотрели на лица друг друга, чтобы убедиться в отсутствии повреждений кожи. Бактерии, попавшие в кровь, требовали инъекций антибиотика.

– Лейтенант Лазарева...

Анна уже сняла шлем, пристегнула его к поясу, и приглаживала рукой взъерошенные короткие светло-русые волосы. Расчёску давно с собой не носила, всё равно расчёсывать нечего, да и, как правило, некогда.

На обращение Дмитрия взглянула на него.

– Проверьте меня, – произнёс тот.

Бестужев при таких процедурах глаз не отводил, чем создавал неудобство. Но деваться было некуда, так что Анна внимательно осмотрела лицо майора от верха лба по линии роста чёрных с коричневым отливом волос до подбородка. Кожа была чистой, без повреждений. На

чёрных ресницах и на веках ещё оставался спрей, так что и без того выделяющиеся тёмно-карие глаза Дмитрия блестели.

– Всё хорошо, товарищ майор, – кивнула Лазарева.

Он ещё секунду не отводил глаз, тоже осматривая её лицо с крупными чертами. Этого, в принципе, не требовалось, ведь Анна носила на поле шлем, но Дмитрию нравились её большие серо-голубые глаза, и ещё больше её выразительные скулы. Сейчас можно было воспользоваться моментом, чтобы получить эстетическое удовольствие. Только не задерживаться с этим, иначе Лазарева заметит, то интерес не только практический.

Бестужев отвернулся от женщины, обвёл взглядом своих людей:

– Всё в порядке?

– Так точно, – отчиталась его группа.

– Отлично, – сказал Дмитрий, расстёгивая свою сумку. Он вытащил портативный сжигатель и протянул Анне: – Лейтенант, сможете починить?

– Сейчас?!

– Да, прямо сейчас.

– Есть.

Пока Лазарева осматривала устройство, Бестужев продолжал раздавать в руки сидящих рядом разные вещи: портативный выделитель ДНК, компьютерный планшет, какой-то контейнер... Он достался капитану Багирову.

Анна, разобравшись, что не работает автоподжиг в камере сгорания, быстро устранила неисправность, и уже протянула было устройство старшему учёному, но тот отрицательно покачал головой:

– Нет, держите напротив меня.

Оказывается, пока она была занята, майор превратил салон вертолёт в лабораторию. Все, кто был рядом, держали для него что-нибудь.

– Нет времени, – усмехнулся Дмитрий, открывая контейнер, который стоял на коленях у Кости. – Отделённая железа будет вырабатывать мутаген не долго.

И Лазарева замерла. Потому что увидела, что образец тела мутанта упакован в обычный контейнер с пластиковой крышкой.

– А-а-а... почему не в герметичном?! – выдохнула она, и едва не выронила сжигатель. Руки свело судорогой. – Это же...

– Герметичные закончились, – отмахнулся майор. – Так, до сих пор живая.

И точно, язык в контейнере дёргался, а из мягкой белой трубки, выходящей из него сбоку, на стенки брызгало прозрачной жидкостью.

– Господи... – слотнула Анна.

Затошнило так стремительно, что пришлось запрокинуть голову и смотреть в потолок, чтобы не видеть этой картины.

– Проблемы, лейтенант? – спросил Дмитрий.

За этот вопрос Лазаревой захотелось сунуть руку старшего учёного в сжигатель.

– Да! – резко выдала она, не опуская головы.

Багиров усмехнулся, глядя на злое выражение лица лейтенанта Лазаревой, обращённое к потолку салона, и кивнул своим:

– Пластыри из аптечек.

Парни зашевелились, передали ему пластыри. Костя быстро наклеил их на контейнер, чтобы не было видно, что творится внутри.

– Всё, лейтенант, можете опустить голову, – сказал он.

Лазарева с облегчением выдохнула:

– Спасибо, товарищ капитан. Это нарушение правил безопасности!

Последнее адресовалось уже майору Бестужеву.

– Это безопасно, – ответил Дмитрий. – Мне можете поверить. Без взаимодействия с кровью ничего не случится.

Он вынул из нагрудного кармана вакуумную систему для забора крови, закатал рукав и взглянул на женщину:

– Не бойтесь. Я бы вами не рискнул.

– Не смешно, товарищ майор, – резко ответила Анна, но больше добавить ничего не успела, потому что Дмитрий воткнул иглу себе в вену.

Одновременно достал пластиковую трубочку для взятия проб, сунул её в контейнер, собрал со стенки прозрачную жидкость и ловко оторвал зубами пробирку с набранной кровью от своей руки. Потом вставил трубочку и пробирку в портативный выделитель ДНК, который ему подставил Паша, подождал пока кровь и мутаген сольются в устройство. Затем извлёк трубочку и пробирку и бросил точно в сжигатель на коленях у Анны. Всё за какие-то три секунды, чётко. Лазарева следила за его действиями с возмущением и восхищением.

Бестужев прирос глазами к окуляру выделителя ДНК, наблюдая инфицирование крови живую. Картинка с внутренних камер устройства шла на планшет Паши. Тот тоже смотрел.

– Вот началось, видишь? – спросил Дмитрий.

– Ага, – Третьяков увеличил изображение цепочек ДНК на дисплее.

– Данные пишешь?

– Конечно. Наблюдаем распад кодирующего фрагмента ДНК. Всего тринадцать секунд продержался.

– Это потому что у нас всего пробирка крови, а не живой организм, – Бестужев не отрывался от наблюдения. – Нужно повторить инфицирование нервной и костной ткани. И на живом организме, конечно.

Паша отрицательно покачал головой:

– Только если на поле. Живую железу не довезём.

Язык в банке действительно сдох. Серебристая трубка, которую называли железой, была дополнительным органом при языке, и она лежала на дне, быстро уменьшаясь. Будто засыхала. Мутаген в ней уже погиб. Также разложился образец внутри устройства извлечения ДНК.

Это было мерой биологической защиты мегистотериев – некоторые биоматериалы, отделённые от их тел, самоуничтожались буквально в течение получаса. Сохранить что-то для исследования было чрезвычайно сложно. Дольше сохранялись кости и кожа, но и они распадалась в пыль часов через двенадцать.

– А живой организм где возьмёте? – скептически спросил Костя.

Дмитрий оторвался от окуляра, взглянул на него, подняв широкие брови. Но это было скорее лицо, выражающее искушение взять в подопытные ближайšie живые организмы, нежели удивление вопросом. Капитана Багирова, например.

Тот искренне засмеялся, но Анна с недоверием отнеслась к такому ответу майора. Да чёрт его знает, это же Бестужев. Гений и человек-легенда. Если он захочет, командование отдаст ему на опыты Багирова, всех его десантников и всю базу в придачу. Захочет взвод девственниц, будет и такой.

– Не пугай лейтенанта, – Костя просмеявшись, кивнул на неё.

Анна не могла справиться с напряжением, так что сидела, хмуро глядя на майора.

– Не бойтесь, лейтенант, я вас не обижу, – усмехнулся Дмитрий.

Анна взглянула на сжигатель на своих коленях, подавила в себе желание всё-таки сунуть туда руку главного учёного, и, наконец, усмехнулась:

– Даже если захотите, вряд ли у вас получится, товарищ майор.

По салону прокатились смешки – смелая лейтенант-техник!

Дмитрий не обиделся на ответ, кивнул:

– Я учту. Так... – он быстро сменил тему разговора, передал устройство извлечения ДНК
Паше: – ...это на место, язык и железу в раствор, может что-то, довезём.

– Что, сейчас? – в надежде на отрицательный ответ спросил Третьяков.

– Да, прямо сейчас.

Недовольные вздохи прокатились по салону:

– Товарищ майор, ну хоть по чаю...

– В генлаборатории будет по чаю. Может, и по бутерброду, если успеем до закрытия столовой, – усмехнулся Дмитрий.

Анна откровенно сморщилась. Самое время о еде поговорить. Пока по уши в крови.

Из кабины крикнули:

– Парни, база. Прибыли!

Вертолёт приземлился. Характерно стукнули о землю шасси.

Капитан Багиров встал, вручил контейнер Паше:

– Держи ваше барахло. Пойду просить дозаправку.

Пилоты открыли дверь салона автоматически, из кабины. На площадке, встречающий персонал пригнулся от потока воздуха из-под работающих лопастей.

– Костя! – окликнул Багирова Дмитрий. – Своих ребят отпускаяй. Охрана не требуется.

– Аминь! – отреагировал сержант Никитин. – Спасибо, товарищ майор!

И сразу отправился к выходу, вызвав смех остальных десантников.

– Всё, Андрюха пошёл, – сказал Гриша Гурьев, неторопливо поднимаясь с места.

Гриша никогда не торопился. Самый здоровый во взводе парень лихо ускорялся только на поле. Там, где так вальяжно и метра не пройдёшь.

– Капитан? – Роман Конев даже не встал.

Никто не поверил, что на сегодня всё. Всего один рейд сделали. К тому же их командир ещё приказ не отдал. Но Багиров подтвердил:

– «Алмаз» свободен.

Парни один за другим прошли по салону к двери, похлопали учёных по плечам:

– Держитесь, пацаны, держитесь. Биологи РХБЗ¹ нужны родине.

– Да пошли вы... – отмахнулся Паша, уже запикивая контейнер с железой в сумку.

Надо было всё нормально запаковать, чтобы по салону не валялось.

Десантники покинули вертолёт. Лейтенант Лазарева тоже пошла к выходу, держась за стенку. Ноги не держали. И от бега по пересечённой местности под огнём, и от разделанного заживо мегистотерия, и от бешеного языка в обычном контейнере. День, лучше некуда. Чёрт, больше никогда, никогда не выходить с учёными! Психи...

Костя пропустил её, ободряюще хлопнул по плечу:

– Вы молодец, лейтенант.

Та слабо отмахнулась. А Багиров заглянул в кабину:

– Царь дозаправку просит и до штаба извоз.

– Чего у него там? Тест показал две полоски? – засмеялись пилоты.

– Давайте быстрее! – крикнул Дмитрий.

Лазарева спрыгнула с вертолёта, обернулась забрать сумку, и майор Бестужев внезапно окликнул её:

– Лейтенант!

Лазарева остановилась.

– Вернусь сегодня вечером. Привезу настоящий кофе. Будете? – спросил Дмитрий.

Анна ещё секунду раздумывала, просто от неожиданности предложения.

– Буду, – согласно сказала она, подумав: «Да кто ж откажется?»

¹ Войска радиационной, химической и биологической защиты

Дмитрий улыбнулся:

– Хорошо. До вечера, Нют.

Теперь Анна удивлённо приподняла изогнутые брови:

– Нют?

– Да, – кивнул Дмитрий. – Уменьшительно-ласкательный вариант. Вам идёт.

2.

Вертолёт, подняв облако пыли, оторвался от земли и спустя пару мгновений удалился от базы. Анна не торопилась в расположение. Села на один из ящиков с запчастями неподалёку от рабочих боксов. Сбросила наконец с плеча сумку, оружие, опустила сильные плечи.

От постоянной нагрузки, казалось, они стали стальными. Но на их ширину это не влияло. Анна оставалась худой, даже слишком. Нервы выжимали из тела все соки. Остались только сухие мышцы, натянутые на кости, как струны музыкального инструмента. Боль от постоянного напряжения играла на них музыку каждый день.

Лазарева взглянула на раскрытые ворота базы. Раз открыты, значит, возвращаются машины огневой поддержки вместе с ребятами её взвода. Вертолёт опередил их. Часовые на вышках смотрели в степь, видимо уже наблюдая приближение КАМАЗов.

И точно, через пару минут Анна услышала шум двигателей. Три машины РСЗО "Град", прикрывавшие группу учёных, въехали на территорию базы. Притормозили, чтобы спрыгнули парень и девушка в полевой форме и поехали на стоянку.

А двое техников направились к своему командиру. Галя Понева – рыжая девчушка двадцати пяти лет, самая молодая в команде, и парнишка постарше. В принципе, старше Лазаревой во взводе не было никого. Так, что со своими тридцатью за плечами, у неё быстро развилось чувство старшей сестры по отношению к своим ребятам.

Отчего и было больно их терять. Состав группы техников из шести человек регулярно обновлялся. За три месяца во время осмотров наблюдательного периметра было захвачено уже пятеро. Захват мегами приравнялся к смерти. Так что в среднем потеря солдата-техника происходила каждые две недели.

Меги вели своё наблюдение. Стоило появиться у мачты с видеокамерами в одно и то же время два раза подряд, и на второй раз можно было смело ждать встречи. Люди были нужны улью. Несмотря на охрану и сопровождение огневой группы в поле, монстры всё равно нападали при любой возможности.

Техники подошли к своему лейтенанту.

– Как всегда раньше нас, – сказала Понева. – Доставка от Бестужева, похоже.

– Да, подвёз, – кивнула Лазарева.

Она вечно попадала в самое пекло – туда, куда майор Бестужев шёл сам, вёл своих людей и десантников капитана Багирова. Ещё ни один техник не работал с ними так долго. Да и всем, кроме лейтенанта Лазаревой, удавалось этого не делать. Техники занимались наблюдательным периметром, ДОСами в узлах обороны вокруг базы и оборудованием, но из шести человек технического взвода только Анна безвылазно застряла в поле с научной группой. Поэтому и возвращалась всегда вместе с ними.

Понева протянула руку за сумкой лейтенанта, лежащей на земле:

– Давай, донесу.

Предложение исходило от души. Простая человеческая помощь. Где-то внутри себя Анна сказала за это спасибо, но вздохнула и ответила:

– Не надо. Пошли на дезинфекцию.

По правилам надо было пройти санитарную обработку, медосмотр, и поспать. Последнее обязательно.

Вторые сутки этого сделать не удавалось. В связи с подготовкой к операции «Хамелеон», команда учёных во главе со своим майором проводила ежедневные рейды к улью. Добирались

обычно на машинах, но только до рубежа – три километра до внешних границ инопланетного образования. Вертолёты туда не подлетали никогда. В этой зоне биоустройства инерционного, электромагнитного и термо-светового удара работали в режиме постоянной боевой готовности. Там же отказывала связь, из-за плотного поля помех. Так что потом, до периметра, топали пешком. По пыльной казахской степи с редкой растительностью.

Анна с техниками вошла в расположение. На входе сложили оружие, сумки, верхнюю одежду и обувь в дезинфекционный бокс, и отправились по примыкающему коридору в соседнее медицинское помещение. Врач ждала их. Отдельные шприцы с дозами транквилизатора и антидепрессанта для лейтенанта Лазаревой лежали на столе.

Быстро осмотрев всех троих, врач отправила техников в жилую зону расположения, приказав как обычно вымыться с мылом, переодеться в чистое нательное бельё, и спать два часа. Анну оставила, чтобы сделать инъекции Тазепама и Бефола.

– Были рядом с мегом? Как себя чувствовали? – спросила она, протирая предплечье Лазаревой спиртом.

Это был стандартный вопрос.

– Страшно, – ответила Анна. – Противно. Но в пределах нормы.

Врач при этом ответе прижала пальцы к её запястью, считая пульс. Проверка на правду была обычным делом. Допускать к несению службы бойца с нестабильным психическим состоянием нельзя. А лейтенант технического взвода Лазарева была поставлена на строгий контроль ещё три месяца назад. Сразу после известия о смерти её родных и одновременной потере двух ребят из взвода. До этого Анна была на стандартном контроле из-за подтверждённой гипнофобии и алгофобии. Но в современном мире этим никого не удивишь. Все боятся испытать ту безумную боль, что сопровождает мутацию, и все боятся спать, зная, что это может случиться с каждым.

Врач сделала уколы, наклеила пластырь:

– Всё. Не пропускайте. Один раз в сутки обязательно.

– Конечно.

Лазарева сходила за оружием и одеждой, и наконец отправилась в расположение. Из рабочего бокса доносились характерные звуки работы. Трое парней технического взвода вели обслуживание базы в обычном режиме: ремонты, сборки, смазки и так далее.

Анна не заглянула к ним. Все заняты делом. Нечего мешаться. Она прошла мимо жилого бокса для мужчин ко второму жилому модулю, предназначенному для женского состава.

Здесь спала Галя. Лазарева старалась не создавать шума, но всё равно пока ставила оружие в шкафчик и вешала одежду, разбудила её. Понева спала очень чутко.

– Эй, приведение, – позвала она командира, приподнимая курчавую голову с подушки.

– Спи, спи... – прошептала Анна.

Галя сонно взглянула на часы на руке, зевнула:

– Чего там большой начальник, добыл что хотел?

– Добыл, – усмехнулась Лазарева.

– Да он кого хочешь добудет... – Понева потёрла ухо, и упала на подушку. – Он тиран.

Галя тихо засопела.

Анна посмеялась над её словами, легла на кровать, с приятным ощущением растянулась на постели. Но только телом, а в мыслях повторялись события дня.

Встали в шесть. Два часа сборы. Долбаный хирургический стол. Сверхсложное оборудование для проведения операций в полевых условиях. И сломался, потому что его уронили. Ну, правда, в яму конечно. Метра три пролетел. Кувырком. Не удержали в руках, когда снаряд ударил в землю рядом с десантной группой.

Анна повращала стопой, потом второй, потянулась. После выхода в поле надо было спать. Но засыпали все кроме неё. Она уже несколько раз просила сменить ей лекарство, потому что,

то, что ей кололи, не действовало. Страх перед сном оставался страхом, и кошмары снились также как и всегда с начала вторжения, несмотря на нечеловеческую усталость.

По сравнению с техниками, спецназ шёл в бой налегке. А на лейтенанте Лазаревой и на ребятах её взвода всё оборудование для учёной группы. Вернее, для майора Бестужева. По его требованию они пёрли на себе столько барахла, что их самих уже пора было грузить на тележки. Майор говорил, что в поле ему может понадобиться что угодно, от пробирок до заряжающего аккумулятора, и если техники не смогут этого предоставить, порвёт лично. И надо сказать, поводов не верить ему не было.

– Чё-ё-ёрт... – вздохнула Анна, вспомнив о коротковолновых передатчиках.

Она же обещала собрать новые радары.

Пару дней назад Бестужев выдвинул теорию. В непосредственной близости от улья техника не работала. Никакие сканирующие устройства не могли увидеть, что именно находится внутри под броневым куполом. Но, теория майора состояла в том, что под куполом радары работать будут. Внешняя защита улья, включающая систему активной постановки помех и электромагнитного удара не должна распространять своё действие на внутреннее пространство сооружения.

Анна поворочалась ещё минуту и всё-таки встала. Сунула ноги в ботинки, одела тёплую кофту и, зевая, пошла в мастерскую.

Трое работающих здесь парней встретили её приветствием и вопросами:

– Здравия желаю, лейтенант. Вернулись? Как там?

– Как всегда, – усмехнулась Лазарева. – Учёные наши молодцы. Тошнит меня до сих пор. Кто с чем работает?

Она оглядела рабочие места. Надо быть в курсе, что на базе в строю, а что на ремонте. Приняв короткие доклады, Анна села за свой стол в конце мастерской. На стенке сбоку от неё, среди множества рабочих схем и чертежей висел цветастый рекламный плакат кофе. Были изображены зёрна, рассыпанные вокруг кружки с напитком, от которого поднимался пар. Обыкновенные вещи из прошлого, и редкие ценности настоящего. Лазарева смотрела на плакат секунду, потом отвернулась, протёрла влажной салфеткой стол, окинула взглядом аккуратно расставленные в форму звезды полусобранные радары.

Эта форма вызывала хорошие ассоциации. Напоминала о непобедимой армии. Так что Анна рисовала звезду поменьше красным маркером у себя на запястье. На удачу в бою. Сегодня тоже нарисовала. Перед тем как побежать под огнём к месту работу учёных.

Лейтенант широко зевнула и взялась за первое устройство. Она уменьшила радары до минимально возможных размеров. Радиус сканирования составлял всего триста метров, но в этом радиусе сканировалось всё: толща земли, воды, любого твёрдого материала, живые организмы.

Если разместить такие устройства внутри улья, можно создать его точную карту. Обсуждалось и предложение сборки дрона с радаром, на базе используемых сейчас армейских летающих роботов «чёрный комар». Их последние модификации обладали возможностью длительного и бесшумного полёта. Но решили всё-таки в пользу шпионских устройств. Летающего «железного комара», как бы тихо он не «зудел», всё равно засекут. А вот маленькие коробочки под расцветку улья имели больший шанс остаться незамеченными.

Работая, Анна размышляла обо всём. Наполовину деревянные самолёты образца второй мировой войны всё-таки подлетели довольно близко к инопланетным сооружениям. Электромагнитный удар их не вырубил. Пилоты и машины пострадали от не менее страшного термосветового удара – смертоносного выброса раскалённого облака плазмы, уничтожающего всё, что в него попадало. Но цель атаки была достигнута – бомбы сброшены. Другое дело, что обычные бомбы не наносили большого ущерба, а ядерные не принесли того результата, на который рассчитывали.

Системы защиты ульев включали довольно большой комплекс средств. Одно из них вызвало ударно-инерционное поле над куполом. Бомбы и ракеты, нарвавшиеся на ударную волну, детонировали на высоте, не долетев до защитного панциря. Улей не получал значительных повреждений, но на заражённых проникающей радиацией территориях люди уже не могли к нему подступиться. Мегистотерии же адаптировались почти сразу. Так что Россия в начале войны буквально сама подарила захватчикам территории, устроив ядерные атаки на крупнейшие ульи, образовавшиеся в Москве и Санкт-Петербурге. Из-за чего ставку верховного главнокомандующего перенесли в Архангельск.

Анна начала выкладывать новую звезду из готовых радаров.

Вообще, методы и средства войны, выработанные людьми за столетия войн друг с другом, оказались малоэффективными против неизвестной расы инопланетян. Их «ход конём» оказался полной неожиданностью – высадить на планету десант из тысяч мощных чудовищ и улететь. Мегистотерии, названные так за внешнее сходство с древними млекопитающими, населявшими Землю в эпоху раннего миоцена, приступили к набору бойцов в свою армию из самих же людей путём быстрой мутации. Нет нужды нападать на цивилизацию, обнаруженную на планете, которую планируешь колонизировать. Можно просто поглотить её другой формой жизни, и через некоторое время вернуться, уж не встретив никакого сопротивления.

Анна приставила последнее устройство в кончик звезды и взглянула на ящик с взрывчаткой, стоявший у стола.

Если всё-таки Бестужев действительно найдёт способ проникнуть в улей, а в этом Лазарева не сомневалась, то просто грех не снабдить радары разрушительным элементом. Так что этот ящик она выписала сразу, как получила приказ собрать новые устройства.

Бестужев пока о таком усовершенствовании не знал, но Анна была уверена, что ему понравится. Что ж, сегодня надо будет обо всём спросить, раз уж майор заговорил не по уставу.

3.

– Зондер команда, прибываем! Екатеринбург! – крикнул в салон пилот.

У Бестужева ожила личная рация:

– Майор, все лаборатории готовы, как вы просили.

– Хорошо, встречайте, – ответил Дмитрий.

За иллюминатором были видны городские огни. Погода сегодня была мрачная, так что сейчас в половине четвёртого вечера, город уже сверкал на фоне тёмного, затянутого облаками неба. Цепочки огней освещали городскую стену из бетона, арматуры и навала колючей проволоки.

Вертолёт пошёл на снижение над корпусами лабораторий научного центра РХБЗ, пролетел над ограждением, защищающим главный научный объект округа, и приземлился на одну из вертолётных площадок.

Спустя пару минут команда учёных вошла в холл центрального корпуса, где располагалась зона обработки. Помещение от стены до стены пересекало сооружение из прозрачного стекла, разделённое на отдельные боксы для приёма образцов и прохода персонала.

В холле ждали по человеку из каждой лаборатории и начальник научного центра полковник Пименов.

– Данные по мутагену и остаткам железа в лабораторию генома, – быстро раздал указания Дмитрий. – Образцы кожи в отдел биосемиотики, пусть начинают подготовку к проверке «хамелеона», я к ним присоединюсь.

– А это? – один из принимающих показал на здоровый контейнер в руке майора Бестужева с окровавленным позвоночником внутри.

– Это я сам, – кивнул Дмитрий. – Биотехнологии подготовить ванну.

– Есть.

Учёные из группы Бестужева передали контейнеры из рук в руки коллегам, и те, не задерживаясь, разошлись по своим направлениям.

– Все на обработку и по секторам, – сказал Дмитрий своим.

Парни отправились в бокс дезинфекции, снимая по дороге куртки и обувь.

Пименов подошёл к главному учёному:

– Телемост с генштабом по твоему запросу будет через час.

Ещё по дороге, пока летели, Бестужев просил подготовить к срочной работе три лаборатории: генетики, биотехники, и биосемиотики, а также организовать к восемнадцати часам сеанс связи с генштабом Министерства обороны.

– Спасибо, – кивнул Дмитрий. – Новости из ЦРК?

Пименов отрицательно покачал головой:

– Сводка не пришла.

– Значит ничего хорошего, – вздохнул Бестужев.

Данные центра разведки космоса просто так не задерживаются.

– Ладно, мы сейчас разберёмся с делами и придём.

– Через час в брифинг-зале, – сказал Пименов.

Полковник быстро прошёл по коридору между боксами в чистую зону. А вот группа учёных застряла надолго.

Костя и Дмитрий зашли во второй предбоксник. По правилам надо было снять оружие, куртки и обувь, вытащить из карманов личные вещи. Но Дмитрий ничего с собой не носил, а у Кости была только маленькая ламинированная фотография на брелоке. Крыльцо деревенского дома со всей его большой семьёй, собравшейся на деревянных ступенях – родители, брат, сестра, и он сам.

Для Багирова эта вещица была самой ценной среди немногочисленных личных вещей. Каждый солдат носил что-то подобное. Что-то, напоминающее о ком-то очень дорогом. И хотя учёные сразу сказали миру, что удержаться в сознании при мутации не получится, потому что химические процессы, происходящие в мозге человека, не позволят личности человека сохраниться, каждый солдат надеялся... устоять. Но нужно было напоминание о тех, ради кого устоять надо.

Костя положил брелок на ленту дезинфекционного устройства к верхней одежде и оружию.

В холле работали телевизионные экраны. Шли местные новости. Диктор зачитывала стандартную информацию о том, что военным удаётся успешно сдерживать ближайшие к городу ульи. Хромтау не упоминался. Этот городок Казахстана был далеко от Екатеринбурга. Большую опасность представлял Курганский улей всего в трёхстах километрах. Карта на экране показывала линии наблюдательных мачт вокруг него, и границу самого инопланетного сооружения.

Курганский улей поглотил весь город до самых последних домов, но пару месяцев назад перестал расти и ушёл в глухую оборону. Это была основная тактика пришельцев – занять себе место на планете и не допускать никого в свои владения. Постепенно расти, покрывая всё большую территорию. В случае прямой атаки держать оборону средствами электромагнитной и ударной защиты, и живой силой – мегистотериями. Коротко прозванными военными – меги.

– Майор, контейнер на ленту! – оператор установки засмотрелся в телевизионный экран и едва не пропустил Бестужева с необработанным сосудом в руках.

Дмитрий приставил контейнер к куче одежды.

– Что на этот раз? – произнёс парень, оглядывая кусок позвоночника.

На этом посту привыкли к банкам с органами и отрезанным конечностям в целлофане.

– Пока не знаю, разберём на запчасти, решим, – ответил Дмитрий.

Парень взглянул на него с опасением, вызвав улыбку на молодом лице главного учёного.

– Всё, всё, не робей, не заразно, – засмеялся Бестужев, – всё заразное уже унесли в лабораторию генома. Обычное БПУ, не было времени извлекать.

– Ладно, – кивнул оператор.

Костя и Дмитрий вошли в прозрачный бокс. Потоки пара на две минуты превратили помещение в слепую зону. Перестал быть виден холл, и только телевизионный экран выдавал цветные вспышки сквозь завесу.

– Сначала к биотехникам? – спросил Костя.

– Да, – подтвердил Дмитрий.

Это первым пунктом плана. БПУ будет цело, самое большое, ещё час. А вопрос о нём оставался одним из ключевых. Это средство связи выросло внутри тела во время мутации. Универсальный приёмник и передатчик, работающий в полном спектре сигналов. Координация действий мегистотериев на поле боя ещё с первых сражений оказалась лучше, чем у людей, именно из-за этих уникальных средств связи.

С помощью БПУ командующий улья – Альфа, управлял не только боевыми особями, но и средствами защиты – оборонительными и наступательными образованиями из необычного вещества – живой субстанции, содержащей биологическую нейронную нервную систему. Она растекалась в жидком виде после приземления корабля, и затвердевала в необходимые формы: башни постановки помех, световые ударные стержни, защитный купол и сооружения вокруг него.

И до настоящего момента все попытки влезть в «переговоры» противника, разорвать координацию действий или перехватить управление «живыми» средствами обороны улья не удалось.

– Нам нужна живая особь, – произнёс Дмитрий.

Костя отрицательно покачал головой:

– Я уже говорил: это сложно. Чтобы поймать бета-мега, установить связь через его БПУ во время боя, и продержаться в сети для сбора данных хотя бы пять минут, потребуется больше чем хирургический стол.

Бестужев согласно кивнул:

– Лейтенант Лазарева соберёт нам удерживающую платформу.

– Оставь уже в покое Лазареву, – серьёзно попросил Костя. – Ты её скоро доведёшь до нервного срыва.

– За кофе надо зайти, – сказал Дмитрий.

– Вот ты почему предложил, – вздохнул Багиров, – чтоб она спала ещё меньше, чем сейчас.

Бестужев отрицательно покачал головой:

– Нет. Она любит кофе.

– Откуда знаешь?

– У неё в мастерской на стене плакат с рекламой кофе. Она во время работы на него смотрит.

Потоки пара рассеялись, открылась выходная дверь.

Костя усмехнулся:

– Как это ты решил сегодня с ней поговорить? Ты же вроде не хотел.

Парни вышли из бокса. Их одежда приехала по ленте прямо к дверям.

– Не знаю, – Дмитрий начал одеваться. – Не удержался.

– Хороший у нас лейтенант техник, – заметил Костя. – Так что давай не таскай её везде за собой. Опасно на поле.

Дмитрий не ответил на это замечание. Будто не услышал.

Багиров усмехнулся. В вопросе о личных отношениях весь гений майора упирался в непробиваемый эгоизм. Он хотел, чтобы Анна была рядом. Хотел и всё. А в достижении того, что он хотел, его ничто не останавливало.

Костя иногда побаивался Дмитрия из-за этого. Потому что был полностью уверен, что если хоть раз желаемое и действительное в понимании Бестужева не совпадут, Дмитрий реально может уничтожить действительное, чтобы ничего не мешало желаемому.

Майор забрал контейнер с БПУ, кивнул Багирову, и оба отправились в лабораторию биотехнологии. Смена лаборантов приготовилась к встрече. Ванна была заполнена раствором, манипуляторы в режиме ожидания.

Дмитрию осталось только погрузить контейнер в жидкость. Зажимы автоматически извлекли из него позвоночник мегистотерия. Бестужев наблюдал сквозь прозрачное стекло, как операционные механизмы расправляют пальцеобразные выросты БПУ, свернувшиеся во время транспортировки.

Внешне, всё устройство напоминало морского моллюска – синего ангела. Четыре комплекта отростков, как веера, с каждой стороны от вытянутого центрального тела. Довольно красивые.

Анализ уже шёл. На мониторах лаборатории шли строчки данных.

– Блокировано, товарищ майор, – сказал старший научный сотрудник.

– Да, вижу, – кивнул Дмитрий.

В случае смерти особи, БПУ автоматически прерывало связь и уничтожало данные. Считать с него ничего не удалось. Оставалось только изучать под микроскопом тело устройства, разбирать его по клеткам, чтобы всё-таки понять, с чем имеешь дело.

Костя нашёл себе стул со спинкой, сел, положив автомат на колени, вытянул ноги, и сделал глубокий вдох. Привычка Бестужева – думать возле этой ванны, иногда длилась довольно долго, так что можно было успеть покемарить. Поскольку Дмитрий почти не спал, остальным в его кружении это тоже едва удавалось. Приходилось ловить любой возможный момент.

Костя прикрыл глаза, из-под полуопущенных век наблюдая за лабораторией. В этом секторе всегда было тихо. Три ванны в виде прозрачных колонн, заполненных синеватым раствором. В зале всего три сотрудника за рабочими терминалами. Всё в автоматическом режиме. Тут волей неволей уснёшь. Так что через пару минут Багиров тихо засопел на стуле, вызвав смех лаборантов.

Дмитрий тоже усмехнулся, глядя на него, приставил палец к губам, показал парням:

– Тсс...

И вернулся к результатам первичного анализа. БПУ отличалось от клеточной структуры тела мегистотерия. Несмотря на то, что это было именно устройство, оно росло, как живой организм и являлось частью нервной системы мутанта.

Разряды тока пробежали по отросткам БПУ, заставив его эластичные волокна сократиться. Это делалось специально для сбора данных. Проверить что задействуется, как работает. Как можно повторить процесс. Как повторить его так, чтобы Альфа не заметил, что в его коммуникационную сеть попал неопознанный пользователь. Если это удастся сделать в улье Хромтау и получить доступ к его системе управления, то получится и в других ульях по всей планете.

Дмитрий следил за мониторами. Анализ всё ещё шёл. БПУ бета-особи было сложнее, чем средства связи обычных зета-мутантов. И Бестужев мог предположить насколько должно быть мощнее и сложнее БПУ Альфы.

Их давно не видели. Спустя месяц после вторжения командующие ульями перестали появляться на полях сражений. Что было логично, потому что теперь командовали бета-особи – люди, обращённые Альфами. Командующим больше не было нужно делать всю работу самим. С задачей набора бойцов в армию мегистотериев успешно справлялись их старшие

бета-офицеры и зета-солдаты. Они заражали людей мутационной генетической программой, которая в течение двенадцати кровавых часов страшных страданий превращала заражённого человека в монстра, подконтрольного командующему ульем.

Подобраться к Альфа-особям – самым смертоносным существам на планете, пока не удалось никому. Нигде, ни на каком континенте Земли этого не получилось. Но сейчас, Бестужев был близок. И ему категорически была нужна операция по проникновению в улей. Альфа там, под мощным броневым куполом в самом сердце инопланетного сооружения. Только там удастся получить всё, что нужно для победы в этой войне. Главная особь и его БПУ – ключ ко всему.

Дмитрий думал об этом каждую минуту. Даже в короткие периоды сна, когда мозг просто отключался, чтобы избежать фатальных последствий нечеловеческих нагрузок, Альфа оставался. Почти всегда во сне, Дмитрий видел того из них, кто убил его отца и брата. Из раза в раз серый монстр шёл к нему, и снова кровь текла из его пасти...

Теперь это воспоминание не пугало. Теперь оно было нужно для злости, которая давала силу не спать, не останавливаться, не сдаваться, не отступить. Эта рана должна болеть. Боль заставит сражаться. Никакая потеря, никакой страх... больше не остановят.

– Майор, готово, – произнёс старший научный сотрудник. – Данные отправлены на ваш компьютер.

Дмитрий взглянул на предплечье, где находилось личное портативное устройство на металлических креплениях, отогнул защитную ткань, увидел значки новых файлов на дисплее:

– Хорошо, спасибо. Костя!

Багиров открыл глаза, посмотрел на часы, разочарованно вздохнул. Удалось урвать всего двадцать минут покоя.

– Ну, теперь порадуем «Полтора Китая», – сказал он, поднимаясь и зевая во весь рот.

Бестужев засмеялся, кивнул лаборантам:

– Всё, спасибо. Мы ушли.

Штаб аналитики находился по пути. За стеклянными дверьми в просторный зал заседала за компьютерами тактико-аналитическая группа – ТАГ. Это подразделение выполняло функцию научного управления по изучению пришельцев. Подчинялось напрямую генеральному штабу. Отсюда обо всем, что становилось известно в отношении инопланетных технологий и о самих пришельцах, докладывали сразу в ставку верховного главнокомандующего.

Дмитрий вошёл громко:

– ТАГ, добрый вечер!

Полковник Олег Мун, возглавляющий группу, поднялся навстречу вошедшим:

– Майор, капитан...

Сорокалетний полковник обладал ярко выраженной азиатской внешностью, и довольно высоким ростом для человека с китайским происхождением. За что был успешно прозван Костей «Полтора Китая».

– Мун, мы на двадцать минут, – сразу сказал Дмитрий.

– Ясно, – кивнул Олег, – я так и думал, что не задержитесь сегодня.

Обычно, если Бестужев с Багировым «с полей», то это до утра. Дмитрий требовал полный анализ всей добытой информации сразу. И немедленное направление найденного в ней полезного содержания для практического применения. Но сегодня запланировано решение ключевых вопросов по операции «хамелеон», так что Бестужеву некогда.

Дмитрий сел за условно свой компьютер. Ему всегда держали свободное место. Костя как обычно расположился за его спиной. Там стоял один из серверов в металлической стойке, высотой по пояс, так что Багиров регулярно пристраивал пятую точку на него. Несмотря на недовольство парней из ТАГа. Это же был их святой сервер. Но с этой позиции Косте было

хорошо видно, что делает Бестужев, так что согнать упрямого десантника отсюда было невозможно.

Хотя познания Багирова в биологии и генетике были скромными, как у любого нормального человека, это не мешало ему с интересом наблюдать за работой их гениального майора.

– По управлению ульем что-то есть? – спросил Мун, садясь за соседний терминал.

– Глухо, – ответил за Дмитрия Костя.

Мун даже внимания не обратил, что у него сменился собеседник. Привычное дело. Майор Бестужев, пока занят, ни на кого не отвлекался.

– Мы уверены, что управление боевыми ресурсами улья централизованное, через био-нейросеть по команде Альфы, – произнёс Костя. – Всё, как и говорили раньше.

Дмитрий удалённо подключился к главному компьютеру лаборатории биосемиотики. Из аналитического центра можно было отслеживать всё с одного терминала. В лаборатории уже ждали. Едва камера включилась, к ней подошёл Паша.

– Майор, образец и «хамелеон» установлены, – доложил он.

– Хорошо, начинайте, – кивнул Дмитрий.

В прозрачном боксе лежал свежесрезанный кусок кожи мегистотерия. В камеру подавался обычный воздух из помещения. И картинка с камеры микроскопа чётко показывала множество ворсинок, буквально стоящих дыбом. Так рецепторы кожи мутанта реагировали на присутствие людей.

Внутри бокса также на держателях было установлено новое маскировочное устройство – система датчиков и форсунок, которую предстояло внедрить в стандартный камуфляж, если опыт удастся.

– Запускаем «хамелеон», – сказал Паша.

– Чёрт, надо было дойти до них, – сказал Бестужев, внимательно следя за всеми окнами сразу: видом с камеры, видом с микроскопа, показателями контроля среды.

Он не любил оценивать материал по мониторам. Самыми верными были тактильные ощущения. Чтобы понять, с чем имеешь дело, надо держать это в своих руках. Дмитрий и перчатки-то не всегда одевал. Поэтому, наверное, первым и подумал о необходимости создания средств дезинфекции от бактерий, занесённых пришельцами.

– Майор, в любом случае результат опыта в контролируемой среде будет отличаться... – начал было Паша.

– Я знаю об этом, – ровно произнёс Дмитрий, наблюдая за тем, как ворсинки на коже мутанта мягко укладываются друг на друга.

– Ух ты... – раздалось на заднем фоне.

Сотрудники лаборатории, похоже, собрались сейчас возле бокса полным составом. Результата ждали все.

Костя даже усмехнулся этому. Проект «хамелеон» едва стоял на ногах под тяжестью навалившихся на него надежд. За полгода, начиная с того момента, как на планету приземлились тысячи кораблей, из которых начали расти огромные города пришельцев, никому не удалось попасть внутрь этих образований. Особая система биозащиты исключала такую возможность. Более того, выяснить, как именно она работает, удалось совсем недавно. Во многом благодаря усилиям специальной оперативной команды учёных, работающих буквально среди врагов.

Идея отправить учёных на полевую работу принадлежала майору Бестужеву. Костя изначально думал, что закинуть в пекло очкариков – идея безумная. Когда ему предложили возглавить команду охраны учёных, которых как десант будут забрасывать в бой, он отказался. Тогда он не знал, чья эта инициатива и кто будет командовать операциями.

Но потом Дмитрий сам нашёл его, а Костя ещё не забыл, как вытаскивал его из-под завала здания Костромской академии РХБЗ. Так они познакомились. Взвод Багирова был одним из многих, оправленных на помощь почти уничтоженному городу. Там всё обратилось в руины.

Майор Бестужев пролежал под тоннами камней больше пяти часов, прежде чем его нашли. Первая помощь спасла ему жизнь. Костя сам туго обматывал его распухшие ноги обрывками от брюк, чтобы уменьшить отёк, держа в зубах пакет с плазмозаменителем для внутривенного вливания, пока Бестужев ставил капельницу себе в руку.

Шансов на то, что майор встанет, было не много. Так что, увидев его через месяц – бодрого, злого и на ногах, Костя понял, что с ним работать будет.

– Майор, смотрите? – голос Паши был взволнован. – Работает.

– Вижу, – Дмитрий внимательно смотрел на экран. – Отправь мне последние чертежи.

Ворсинки на коже мутанта перестали реагировать на человека и окончательно улеглись.

На лице Бестужева наконец появилась улыбка:

– Отлично.

Он обернулся к Косте:

– Ну? Ты рад?

– А по лицу не видно? – усмехнулся тот.

– Всё, что мы говорили об операции в улье, обрело смысл, – сказал Дмитрий. – Начинай планировать.

Багиров кивнул:

– Есть. Нам нужно минимум шесть устройств.

– Слышали? – Дмитрий обернулся к монитору. Лаборатория биосемиотики была на связи. – Приступайте к сборке.

Отдав распоряжения, Бестужев отключил соединение.

– Так, что ещё? – спросил Дмитрий сам себя, и обернулся к Муну. – Ты о чём спрашивал?

Об управлении ульем?

– Ты слышал, – усмехнулся Олег.

– Да, – ответил Бестужев. – Куда ни плюнь, везде засада. Увидеть устройства управления так и не удалось. Но Костя прав, всё контролирует живая нейросеть. Защитные образования направляются куда нужно и когда нужно.

Дмитрий приставил руку с личным компьютером к сенсорной панели. Данные с назначенной папки считались автоматически. Открылись новые видео файлы.

Бестужев вывел их на большой экран зала аналитики. Камера сняла, как из-под земли вырвался острый шип метров пять высотой – «бивень», за ними по цепочке пошли следующие, пока не поднялась целая гряда.

– «Корона», – произнёс Костя.

– Или одиночный «бивень», или «топоры», – озвучил остальные обиходные названия Бестужев.

Средства ближней обороны улья оказались крайне эффективны, как против живой силы, так и против техники. На экране из-под земли вырвались два шипа с загнутыми под прямым углом верхушками и обрушились вниз. В случае, попавшем в объектив камеры, они разрубили на три части РСЗО «Град».

– Это не полный перечень, ещё наблюдаем. Есть вероятность, что чего-то ещё не видели, – Дмитрий собрал все видео файлы в папку: «отчёт по тактике», отправил её на компьютер Муну. – Держи, потом сами всё посмотрите. Так, нам пора.

Дмитрий встал. Костя взглянул на часы. Минута в минуту. У Бестужева был какой-то внутренний счётчик времени.

Полковник Пименов ждал их в зале совещаний. Из десятка мониторов, установленных в помещении, работал только один. Камера на том конце смотрела в кабинет министра обороны генерала армии Дубравина Сергея Васильевича.

А вот экран командующего округа остался тёмным. Потому что генерал Королёв Валерий Михайлович сам сидел за столом. На совещаниях, инициированных Бестужевым, он все-

гда присутствовал лично. Главный научный центр РХБЗ сейчас являлся одним из важнейших объектов уцелевшего мира, половина военных ресурсов округа работала только на него, так что Королёв держал руку на пульсе.

Все ждали доклада майора с нетерпением. Особенно было заметно по Дубравину. Он прохаживался мимо камеры, хмурился, напряжённо о чём-то думая. Сергей Васильевич буквально месяц назад принял должность в беспрецедентно молодом возрасте – всего пятьдесят пять. Королёв был старше его на десять лет. Так что в отличие от «молодого» министра обороны, выражение лица которого периодически выдавало напряжённые нервы, Валерий Михайлович был очень спокоен.

Но когда Дмитрий вошёл, Королёв спросил первым:

– Майор Бестужев, есть результат?

– Здравия желаю, – поприветствовал Дмитрий обоих. – Возможно.

Дубравин встал перед камерой:

– Докладывайте, майор.

Бестужев положил ладонь на интерактивный стол. На поверхности отобразились назначенные для совещания файлы с его личного устройства. Майор вывел их росчерком пальцев на главный экран.

– Генштаб Минобороны поставил моей группе две основные задачи, – произнёс он. – Получить образец мутагена Альфа-особи для создания средства от мутации и вскрыть систему управления улья и корабля. Касательно первой задачи: мутаген Альфы собрать не удалось. Подобраться к главной особи возможно только в улье, но...

Дмитрий нажал значки трёх видеофайлов. На главном экране появилась картинка, немного размытая из-за сильного увеличения, но происходящее сомнений не оставляло. Человеческие фигуры буквально разрезали на части длинные шипы, молниеносно выбрасывающиеся из-под земли по круговой траектории.

– Майор, мы это видели, – генерал Дубравин мрачно смотрел на кадры с жуткой смертью бойцов. Фонтаны крови были видны отчётливо. – Поэтому ваша инициатива о проведении разведоперации в улье была отклонена. Туда не пройти.

– Прошу снова, – сказал Дмитрий, открывая файл «хамелеон». – Думаю, у нас получилось создать камуфляж.

Королёв окинул внимательным взглядом чертежи устройства:

– Уверены в нём?

– Да, – без сомнений ответил Бестужев. – На девяносто процентов. Десять оставляю для неучтённых факторов.

– Неучтённых факторов?

Дмитрий подумал секунду, прежде чем ответить. Сейчас любое сомнение будет истолковано не в пользу проведения операции, которая очень нужна.

– Мы исследовали угрозы снаружи улья, – произнёс он. – Но поскольку ещё никто не был внутри, есть вероятность наличия угроз, о которых мы не знаем.

– И это всего десять процентов? – Королёв смотрел также внимательно.

– Да.

Короткий чёткий ответ внушал доверие.

– Операция в улье позволит решить вторую задачу, – добавил Дмитрий. – Все возможные сведения о системе связи и управления пришельцев, которые можно было получить снаружи, мы получили. Чтобы продвинуться дальше, необходимо попасть в сердечный корабль. Надо увидеть их компьютер, или что там будет вместо него. Осмотреть, снять на камеру, установить волновой перехватчик, записать исходящие сигналы, в общем, любой доступный нам анализ.

Дубравин всё-таки сел в кресло, размышляя, постучал пальцами по столу.

– Вы разберётесь в системах управления инопланетного корабля? – наконец спросил он.

Дмитрий задумался на мгновение, но утвердительно кивнул:

– Устройства связи на холке мутантов биологического происхождения – это специально выращенная структура с особой формой защиты. Поэтому мы не можем расшифровать передаваемую информацию. Она закодирована недоступным нам способом. Это всё равно, что пытаться перевести на русский язык дельфинов. Логичным будет предположение, что система управления улья и корабля также основана на принципах биотехнологии, то есть подпадает под мою специализацию.

– Под одну из специализаций, – усмехнулся министр обороны. Он ещё раздумывал, но не долго: – Бестужев, нам нужен этот чёртов сердечный корабль. Хотя бы один. Времени всё меньше.

Дубравин пробежал пальцами по своему планшету, отправляя участникам совещания последние данные космической разведки. На мониторах пошло видео с наземной станции наблюдения дальнего космоса. В чёрной глубине отчётливо виднелись тридцать точек.

– Скорость увеличилась в три раза, направление не изменилось, – сказал министр обороны.

– Они возвращаются, – произнёс Дмитрий в утвердительно форме.

– Да, теперь мы в этом уверены, – подтвердил Дубравин. – Все тридцать кораблей хозяев будут у Земли примерно через... два месяца.

Полковник Пименов закашлял. От волнения вдохнул слишком много воздуха. Даже Костя, при всём его спокойствии, нахмурился.

– Да, мы здесь тоже в шоке, – Сергей Васильевич с пониманием наблюдал реакцию людей. – Рассчитывали, что времени больше. Но нет – хозяева мегистотериев возвращаются.

Стало понятно почему с лица министра обороны не сходит напряжение. Фактически, катастрофа уже началась. Но как волна от брошенного в воду камня, достигнет планеты только через два месяца. Прогнозы о новых действиях «хозяев» мегистотериев были самыми разными. Однако ни одно предположение о поведении инопланетян, о которых не известно вообще ничего, не могло быть достаточно убедительным. В прошлый «визит» их материнские корабли буквально в течение трёх часов с момента высадки Альфа-особей покинули околоземное пространство и устремились за пределы солнечной системы. Их возвращение, разумеется, было ожидаемо, но что будет в этот раз? Полное уничтожение оставшегося населения? Чем? Каким средством? Новая мутация? Вирус? Массированный удар из космоса?

– Войскам и гражданскому населению информацию пока решено не объявлять, – мрачно сказал Дубравин. Он встал, обошёл стол, и сел на него прямо перед камерой. – Майор, совещание с Владимиром Алексеевичем по этому вопросу уже состоялось. От имени верховного главнокомандующего даю вам полный карт-бланш. Без изучения систем связи и управления мы не можем разработать необходимые технические средства для войны с пришельцами. Наша спутниковая сеть уничтожена, стратегическое и любое вооружение с электронными системами бесполезны. Нам нечем защищаться в космосе, и нечем бить их на планете. Но вы и сами это знаете.

Землю больше не наблюдали из космоса. Спутники и международную станцию пришельцы уничтожили сразу. Ещё до того, как запустить на планету тысячи небольших кораблей с Альфа-особями на борту.

Спутниковая связь больше не была доступна ни для боевых целей, ни для гражданских. Осталась возможность наблюдать космос с наземных телескопов и ловить сигналы, плотно связавшие улья на земле с кораблями-охотниками, оставленными пришельцами на орбите. Эти автономные боевые суда пресекали любые попытки выведения нового спутника. Взломать «охотника» также не удалось. Всё по той же причине – невозможность попасть в коммуникационную сеть мегистотериев. Круг вопросов замкнулся на БПУ.

– Дерзайте, майор, – коротко сказал Дубравин. – Ждём результата к концу недели.

Монитор погас, кабинет министра обороны отключился.

Генерал Королёв окинул Дмитрия внимательным взглядом. Тот сидел, уперев локти в стол и сцепив пальцы. Думал.

– Устал, – произнёс Валерий Михайлович. – Видно по тебе.

Бестужев кивнул:

– Есть немного.

– Что по средству от мутации? – спросил Королёв. – Лаборатория генома запускает обратный процесс на зета-особях, результата нет.

Бестужев покачал головой:

– Как я и говорил раньше, мутация контролируется специальным кодом, который самоуничтожается сразу после её окончания.

Он вывел на главный экран данные сегодняшнего анализа, который делали ещё в вертолёте. Кодирующий фрагмент ДНК распался в течение тринадцати секунд.

– Без этого кода обратная мутация так же не может быть осуществлена, – сказал Дмитрий. – Нам нужны железа и мутаген Альфы. Причём, живые. Без них лекарство не создать.

– Я понял, – задумался Королёв. – Что возвращает нас к вопросу о проникновении в улей. – Взгляд генерала, направленный на Бестужева, оставался по-прежнему внимательным. – Дим... «хамелеон», в случае удачи обеспечит нам тактический прорыв, но ты точно хочешь сам его опробовать?

Бестужев откинулся на спинку кресла, помолчал. Ждал он такого вопроса, ждал.

– Я бы не разрешил тебе проведение такой операции, – добавил Королев. – Ты учёный. Более того, ты гениальный учёный. Мы не имеем право тебя потерять. А ты лезешь вечно туда, куда не надо. Если погибнешь...

Генерал замолчал, вздохнул:

– Ну а, неофициально... я уже похоронил три пустых гроба. Не хотелось бы четвёртый.

Дмитрий молчал. Знал, что Валерий Михайлович будет отговаривать от личного участия в операции, и понимал почему. Слишком много потерь за полгода. Королёв дружил с его отцом с детства, были соседями по площадке, квартиры напротив. Жили друг у друга. В молодости вместе служили, вместе работали, футбол играли. Сыновья родились в один год. И погибли... все в одно и то же время, буквально в течение недели. Сначала вся семья Дмитрия, потом сын Королёва.

Так что Бестужев не прерывал генерала, понимая его настроение. Из уважения к Валерию Михайловичу нужно было дослушать всё до конца.

– Да и люди твои устали. Ты ж никого не щадишь, – говорил Королёв. – Давай пришлю вторую группу из научного центра.

Дмитрий начал улыбаться.

– Что, смешно тебе? – спросил Королёв. – Личный состав с ног валится.

– Матвеев звонил, – произнёс Дмитрий, поняв, откуда ветер дует. – Да не так всё плохо.

– А как тогда? Операция на вражеской территории без прикрытия, в агрессивных условиях. Ребята должны быть готовы к такому. А ты их вымотал.

Бестужев помолчал мгновение:

– Они со мной не идут.

– Чего?

– В улей пойду только я и охрана.

Генерал хмурился, глядя на майора.

– Ну-ка объясни мне, что ты задумал, – наконец сказал он.

Дмитрий усмехнулся.

– С задачей справится небольшая команда – я, Костя и половина группы спецназа. Техника возьмём. Всё. Зайдём, соберём данные и выйдем. Будем осторожны.

Костя при этих словах наклонил голову, усмехнулся. Королёв как раз перевёл взгляд на него, так что увидел это.

– Тебе даже друг твой не верит, – покачал он головой. – Ты осторожность давно потерял. И кивнул Багирову: – Садись, Костя.

Тот оторвался от стены, которую подпирает всё совещание, сел.

– Ну? Шансы оценил? – спросил его генерал. – Вернётесь?

Багиров усмехнулся:

– Так точно, вернёмся. Если «хамелеон» сработает.

– Вот именно, – заметил Королёв и внимательно взглянул на Бестужева.

Тот сложил руки на груди:

– Валерий Михайлович, всё понятно мне, но без меня группа не пойдёт.

Королёв вздохнул:

– Да я вижу.

Отговорить Дмитрия не выйдет. Это его операция. Можно было бы запретить, если не был бы велик шанс того, что Бестужев ночью возьмёт «хамелеон» и один уйдёт в улей.

– Давай, майор, готовь свою операцию, – сказал Валерий Михайлович. – Но я хочу видеть всё отсюда, понял?

– Будете, товарищ генерал, – подтвердил Дмитрий.

Он сидел ещё секунду в раздумьях, потом обернулся к Пименову:

– Отправляй нас назад.

– Сейчас? – удивился тот.

– Да, утром доставь мою команду, – Бестужев встал. – Постановку задач с командиром базы нужно провести сегодня.

Он быстро вышел из зала совещаний. Костя встал, не торопясь пошёл следом. Время есть. Пока Дмитрий зайдёт за кофе, потом в лабораторию.

– Багиров! – внезапно окликнул капитана генерал.

Костя остановился.

– Присматривай за ним, – произнёс Королёв. – Чтобы работал без личной вендетты.

Костя понял о чём он, кивнул:

– Есть.

– Головой отвечаешь, – добавил Валерий Михайлович.

– Есть, товарищ генерал, – повторил Багиров.

И поймал себя на мысли, что уже давно за это отвечает, без напоминаний. Как-то само получилось. А может, Бестужев это сделал. Знал, что в личной ненависти к мегам может далеко зайти и взял себе телохранителя, который способен во время дать ему отрезвляющую оплеуху, и вытащить за шкурку с поля боя, пока не сожрали. Но, так или иначе, Костя с первых дней вместе понял, что Дмитрия надо ловить, иначе его заносит. Сегодня был малый занос – не хотел уходить, когда уже надо было бежать. Но всё обошлось. Бывала и более тонкая грань между риском и провалом.

Багиров вышел в коридор, отправился сразу в лабораторию биосемиотики. Там уже должны были собрать комплекты «хамелеонов». И точно, едва вошёл, Паша как раз закрыл первую сумку с устройствами.

– О, вовремя! Держи, – сказал он, протягивая её капитану. – Когда обратно?

– Вы завтра, – Костя навесил сумку на плечо. – Доноси остальное к вертолёту. Бестужев возвращается сегодня. Дал вам ночь сна.

– Целую ночь? Прямо до утра? – Паша засмеялся. – Ясно. А ты?

– Чего ты херню спрашиваешь? – отмахнулся Костя, уже выходя обратно в коридор.

Как будто первый раз. Бестужев без охраны имеет право ходить только в туалет. Одного его никто не пустит даже в вертолёт.

Багиров зашагал к выходу из комплекса. Дмитрий встретил его в холле с пакетом кофе в руках.

– Ждать результат по обратной мутации не будешь? – спросил Костя.

В их обычном порядке посещения штаба округа значился этот пункт. Лаборатория генома, куда передали остатки железа и все записи от проведённых сегодня опытов, начала процедуру сразу по получении новых данных. Поиском лекарства от мутации занимались двадцать четыре часа в сутки в три смены.

Дмитрий отрицательно покачал головой:

– Нет. Смысла нет.

Он уже сегодня об этом говорил. Без чистого мутагена Альфа-особи синтез лекарства невозможен. Пока он не достанет хотя бы пару капель из пасти этой твари, люди так и будут превращаться в монстров. Так что пора действовать. Хватит топтаться вокруг улья, пора туда зайти.

– «Хамелеоны»? – спросил Бестужев, глядя на сумку на Костином плече.

– Да, – кивнул тот. – Сейчас Паша вторую партию принесёт.

– Тогда, погнажи.

4.

Штабной вертолёт вернулся поздно. Небо уже потемнело. Сухой ночной ветер нёс вихри песка по освещённой прожекторами площадке перед армейскими боксами.

Лазарева уже начала думать, что кофе ей сегодня не попить. Теперь это был один из самых дорогих напитков. На планете, поделённой между людьми и мегистотериями, почти не осталось чайных и кофейных плантаций.

Хозяева, отправляя свой десант, ориентировались на густонаселённые зоны Земли – Африка, Индия, Китай, Бразилия, Атлантическое побережье США, Европа. В России основная масса кораблей с первыми мегистотериями приземлились в Центральном, Южном и Поволжском округах. Всего по паре десятков долетели до южных областей Уральского, Сибирского и Дальневосточного. Так что пока оплотом обороны людей оставались северные районы. Территории материков и островов по обе стороны от экватора плотно заняли инопланетные формы жизни. Строительная субстанция, растекающаяся от их кораблей, соединившись с ближайшей рекой или подземными водами, заполняла грандиозные территории, а потом затвердевала. Так что теперь там, где раньше простирались зелёные поля и плантации, на многие километры затвердел чёрно-синий панцирь.

Сама субстанция оказалась не ядовита для людей. Такой ресурс, как люди был нужен улью, для создания армии монстров. Цели просто вытравить их с планеты у пришельцев не было, но сократить популяцию аборигенов явно планировали. На ещё полгода назад плотно заселённой земле, по последним данным едва набралось четыре миллиарда человек. И процесс их уничтожения и мутации продолжался.

Лазарева облизнула пересохшие губы, наблюдая за приземлением вертолёта. Винты едва сбросили обороты, а дверь уже открылась, сначала спрыгнул капитан Багиров, потом майор Бестужев.

Анна привыкла видеть их рядом друг с другом, как и остальные военнослужащие на базе. В первые дни после знакомства, это даже вызывало смех.

– Кто Тамара-то из вас? – со смешком спрашивали даже старшие офицеры.

Но шутки закончились быстро. Временная мобильная база близ городка Хромтау с разрешения руководства Казахстана создавалась только с одной целью – обеспечение работы учёной группы под командованием майора Бестужева.

Майору было всего тридцать пять, но его охраняли и уважали не меньше чем Президента Российской Федерации – Владимира Алексеевича Волкова, с которым у них, несмотря на разницу в возрасте почти в тридцать лет, установились дружеские отношения. Через месяц после

вторжения Бестужев представил ему формулы специальных средств дезинфекции. Их опубликовали во всех международных источниках информации. Но производство удалось наладить только через несколько недель, благодаря усилиям Волкова, который взял под личный контроль создание нового фармацевтического завода на территории сибирского округа.

Слюна и кровь мутанта, попавшие на кожу, стали не опасны. А в первый месяц после вторжения из-за этого погибли сотни тысяч людей. Не вовремя смытая капля – и через пару дней внутренние органы раздуваются. Спасти уже нельзя. Фамилия Бестужева, военного учёного войск РХБЗ России, разработавшего первые спасительные средства, стала известна на весь мир.

Потом в команде с инженерами Дмитрий разработал концепцию стазискапсулы, в которой можно было приостановить процесс мутации, и сохранить человека в состоянии летаргического сна довольно долгое время.

Биологи, генетики и техники собрали такую установку прямо на этой базе, когда команда учёных только прибыла. Анна работала вместе со всеми, но за всё время работы, кроме как «здравствуйте, товарищи» утром, и «твою мать, техники!» в течение дня, ничего другого от Дмитрия не слышала.

Он был гением, так что людей видел, наверное, только как набор, нужных ему навыков и знаний. Как сегодня утром. Ему нужен был хирургический стол для сбора образцов. Значит, нужен техник, и плевать, что батальон мегов заходит в лобовую атаку. Техника прямо сюда, сейчас. Сдохнуть имеет право не раньше, чем запустит нужное оборудование.

– Да уж... – Лазарева усмехнулась собственным мыслям. – Чёртов гений.

Дмитрий с Костей, пригибаясь от ветра лопастей вертолёт, побежали к штабному боксу, где ждал командир базы полковник Матвеев. С того места, где стояла Анна, их было хорошо видно, только слова долетали не чётко:

– Разрешили... давайте прямо сейчас...

– Лазарева! – окликнули её.

Анна обернулась, увидела дежурного по базе.

– На совещание к командиру. Через пять минут в конференц-бокс! – крикнул тот.

– Есть.

Когда она вошла в вагончик, командир и остальные офицеры уже были здесь. В том числе и первая смена оперативного центра базы. Группа из шести человек операторов и их старшего – лейтенанта Самойленко, опытного и ответственного парня службы наблюдения.

Анна помнила, что его и ребят его смены, ещё в прошлое совещание прочили в группу наблюдения при проведении операции «хамелеон». Похоже, дело в этом. Бестужев привёз «добро» на поход в улей. Чёрт, добился всё-таки.

Офицеры были заняты разговором, так что никто не обратил внимания на лейтенанта технической службы, приставившую руку к голове для приветствия. Услышав о чём говорят, Лазарева молча встала у дверей.

– Мы можем провести операцию «хамелеон» завтра с утра, – говорил Бестужев. – С нашей стороны всё готово.

На интерактивном столе светилось изображение карты с отметками расположения ульев всего региона, граничащего с Казахстаном. Самый большой – Курганский, площадью почти четыреста квадратных километров. В сравнении с ним двадцатикилометровый Хромтау был едва заметной точкой.

Размер улья напрямую зависел от места приземления сердечного корабля пришельцев. Если в крупный город, то инопланетное образование выросло до гигантских размеров. Часть кораблей не попала в пункты своего назначения. Некоторые отклонились от курса, маневрируя во время боя с самолётами ВВС в атмосфере. Альфа, приземлившись в районе маленького

городка Хромтау, всего с двадцатью пятью тысячами жителей, должен был захватить двухсот пятидесяти тысячный Орск, но до него не долетел.

С учётом убитых и не переживших мутацию людей, группировка Хромтау насчитывала всего порядка пятнадцати тысяч мутантов. Они закрепились в гнезде, и пока попытки их расширения удалось успешно сдерживать. Альфа застрял на этой территории. А глава научной группы майор Бестужев уже три месяца использовал это обстоятельство на полную катушку.

Тем не менее, командир базы полковник Матвеев, крупный седой мужчина пятидесяти лет, не скрывал своего недовольства, говоря с ним.

– Майор, я понимаю, что генштаб разрешил тебе проведение любых операций. И понимаю почему. Но это мои ребята выходят в поле выманывать для тебя монстров. До сих пор мы поддерживали с ними негласный паритет и относительно друг друга терпели. Пока тебе хватало рядовых стычек, чтобы собирать свои пробирки. А теперь ты хочешь ускорить получение результатов. Я всё правильно понял?

– Да, – подтвердил Дмитрий. – Мы больше не будем выманывать Альфу из улья. Мы сами придём к нему.

Он поднял из-под стола сумку, извлёк устройство, похожее на прозрачную кислородную маску, соединённую с небольшим батарейным блоком, пучком датчиков и форсунок с креплениями, видимо для установки на одежду.

– Наш билет в улей. Это устройство будет создавать вокруг своего объекта зону, соответствующую местной среде. Защитная система улья нас не заметит.

– А меги?

– Не почувют. Только если увидят. Но мы будем осторожны.

– Вы будете осторожны... – командир базы покачал головой. – Бестужев, я должен напомнить, что на входе в дом чудовищ наши ребята были нарезаны соломкой. И это на входе. Что ждёт внутри, я даже предполагать не буду, фантазии не хватит.

– Товарищ полковник, наша первичная задача – убедиться, что мы создали принципиально новую камуфлирующую систему, пригодную для проникновения на территорию противника, – жёстко сказал Дмитрий.

Было заметно, что он закусил губу изнутри. Анна поняла, что его начало раздражать противодействие. Она уже знала по опыту общения, что Бестужев вообще не мог ничего терпеть долго. Словно акуле, ему нужно было движение вперёд, всегда.

– У нас целая группа задач, которую не решить без проникновения в улей... – продолжал Дмитрий.

– Да всё, я понял тебе, – оборвал его речь командир базы. – Вы это предварительно опробовали?

– Только в лабораторных условиях.

– То есть ни хрена не опробовали, – Матвеев задумался, глядя на новое устройство, потом перевёл взгляд на Багирова: – Все согласны?

Тот кивнул, но потом обернулся с тем же вопросом к своим парням. Из шести человек присутствовали только трое. Диверсионную группу решили уменьшить. Остались Никитин, Конев и Гурьев. В ответ на вопрос полковника возражений не последовало, только сержант Никитин пожал плечами:

– Если получится, представите нас к награде.

Матвеев оглядел самого молодого десантника в команде Багирова, вздохнул:

– Сынок, молись, чтоб не посмертно.

Он думал ещё мгновение. Понятно, что инициатива Бестужева должна быть реализована. Понятно, что возможная потеря группы спецназа не должна останавливать жизненно важные исследования. И даже риск вынести с собой из улья ещё какую-нибудь заразу, страшнее той, что уже поглощает планету, оправдан.

– Товарищ, полковник, мне не нужно ваше разрешение, – внезапно сказал Дмитрий. – Мы оба это знаем. Нужна только ваша помощь.

Матвеев нахмурился, долго смотрел на майора, потом недовольно вздохнул:

– Ладно. Что вам нужно?

– Атака на край улья, чтобы пробить нам вход и убрать оттуда охрану. Пусть "Смерчи" поработают.

Для купола улья снарядов "Града" недостаточно. Калибр нужен покрупнее.

– Хорошо, – полковник отыскал взглядом среди офицеров командира огневого взвода РСЗО "Смерч", кивнул ему: – "Вишня-2", задачу понял?

– Так точно, – ответил тот.

– И нам нужна она, – Дмитрий внезапно показал на Анну.

Женщина стояла у двери за спинами людей, но все естественно расступились, проследив взгляд главного учёного.

Лазарева выпрямилась, перестав подпирать стенку:

– Что?

Ей показалась, что она просто не так поняла слова Бестужева.

– Техник? – Матвеев взглянул на женщину. – Зачем?

– С нами поедет много оборудования, – ответил Дмитрий. – Лазарева нам подходит, работает быстро, мыслит нестандартно.

Командир базы долго в таких вещах не раздумывал.

– Лейтенант, завтра идёте с группой, – приказал он.

Анна быстро шагнула к столу.

– Я не смогу, – резко сказала она.

– Почему? – серьёзно спросил Дмитрий.

– Если мы попадём в переделку, не гарантирую что... – попыталась было Лазарева, но Бестужев оборвал её речь:

– Что сохраните спокойствие? Вы уже сохранили. Мы это видели.

Костя усмехнулся, ободряюще кивнул Анне:

– Только возьмите таблетки от тошноты.

Лазарева взглянула на него, шумно выдохнув недовольство. Багиров смутился.

– Я шучу, шучу, – он приподнял руки в жесте «сдаюсь».

Дмитрий не был так любезен.

– Лейтенант, вы нужны мне в команде, – произнёс он. – Будьте готовы к выходу завтра рано утром.

Тон голоса был приказным и жёстким. Возразить сейчас, значит поднять скандал. Лазарева выдохнула, куснула губу:

– Есть. Разрешите идти готовиться?

– Разрешаю, – ответил Дмитрий – только далеко не уходите. Через десять минут позову.

И Анна вышла из конференц-бокса. Далеко, конечно, не ушла. Ей обещали кофе. И надо прояснить ситуацию. Майор собрался выполнить сверхважную задачу. Не берет с собой никого из проверенных биологов с железобетонными нервами. На кой ему женщина техник с подтверждёнными фобиями? При регулярных инъекциях успокоительного с ними можно служить и выполнять боевые задачи, но точно нельзя идти на территорию мегов.

Первыми покинули вагончик офицеры, потом полковник Матвеев, за ним десантники отряда Багирова.

Никитин, проходя мимо Анны, покачал головой:

– Да, лейтенант, вам, похоже, от нас не избавиться.

Лазарева не ответила, только взглянула в ответ так, что желания пошутить на эту тему не возникло больше ни у кого. Парни быстро разошлись. А уже через минуту из вагончика потянулся приятный аромат.

– Лейтенант! – раздался голос Бестужева. – Зайдите!

Анна вздохнула, постояла ещё секунду, справляясь с эмоциями, и вернулась в конференц-бокс. Костя стоял за столом, упираясь локтём в стеклянную поверхность, рисовал карандашом на интерактивной карте местности. Прокладывал маршрут. Бестужев стоял в углу помещения у стола с чайником и кофе-машиной, мешал в пластиковой кружке горячий напиток.

– С сахаром? – спросил он Анну.

– Да.

– Сколько?

– Два.

Дмитрий бросил два сахарных кубика в кофе и протянул кружку женщине:

– Держите. Извините за резкость в присутствии командира, Нют. Но иначе он бы вашу кандидатуру не одобрил.

– Я тоже не одобряю мою кандидатуру, – резко сказала Лазарева и сделала глоток.

Аромат кофе на мгновение заставил забыть о недовольстве. Бестужев улыбнулся, глядя на её подобревшее лицо.

– Я читал ваше дело, – сказал он. – Что вам колят? Бефол?

Анна удивлено вскинула брови:

– Так вы знали?

– Конечно, – ответил Дмитрий.

Костя за столом оторвался от карты, внимательно взглянул на Лазареву. Он тоже знал. Как и запрещённую к разглашению информацию о лечении фобий у солдат. Но Бестужев, похоже, сейчас всё расскажет.

– Это фикция, – произнёс Дмитрий.

– Не поняла вас, – удивилась Анна.

Костя окончательно оторвался от карты, сел за стол, глядя на обоих собеседников. Всё, Бестужев начал сливать информацию для служебного пользования. Хочет добиться доверия Анны. Эх и дурак, сказал бы ей правду просто...

Лазарева смотрела на майора вопросительно.

– Вам колят глюкозу, витамины, может лёгкое успокоительное, – объяснил Бестужев. В случае действительной опасности нервного срыва ваш доктор колет наркотики. Чтобы убрать страх.

Анна так и стояла с кружкой кофе в руке и удивлением на лице.

– Вы можете отказаться от процедур, – подтвердил Дмитрий. – На самом деле они вам давно не нужны. За полгода психика человека в состоянии адаптироваться практически ко всем к новым условиям жизни. Вы уже справились с фобиями.

Костя улыбнулся, но Анна нахмурилась, глядя на Бестужева.

– Интересное заявление, – произнесла она.

Ежедневные инъекции специальных препаратов вводили, как временную меру, чтобы предотвратить нервные срывы у солдат, но если майор говорит правду, то сейчас используется эффект плацебо.

Лазарева помолчала и наконец заметила:

– Вам, видимо, легко это говорить, товарищ майор.

– В неформальной обстановке, можно Дмитрий, – сказал тот.

Анна подумала, прежде чем принять это предложение, но всё-таки кивнула:

– Хорошо, Дмитрий. Вы ничего не боитесь. Правда то, что говорят о вас? Полное отсутствие страха?

– Нет, – покачал головой Бестужев. – Отсутствие страха – это болезнь, а в моем случае... – он на мгновение замолк, потом усмехнулся: – Я слишком сильно хочу победить их, Нют. Я так сильно хочу этого, что не боюсь ни мегов, ни их грёбанного Альфу, ни их хозяев. Когда они вернутся, чтобы проверить как дела у их стада, их будет ждать большой сюрприз.

Анна внимательно изучала выражение лица Дмитрия. Что-то ещё было за этой ненастоящей улыбкой. Напряжённые мышцы лица выдавали злость. И яркие карие глаза щурились. Он словно что-то вспоминал, говоря эти слова. Что-то будило в нём ярость, пересиливающую страх.

Лазарева тяжело вздохнула. Спорить с майором было бессмысленно. Он не отменит решения. Никогда и ни в каком вопросе ещё не отменял, с чего бы сейчас? Но а, насчёт уколов...

– Вы не правы насчёт меня, – сказала она. – Мой взвод спокойно спит после каждого задания, а я вижу кошмары. И теперь понятно почему.

Анна сделала последний глоток, выбросила пластиковую кружку в мусорное ведро.

– Пока не поздно возьмите другого техника. Я поставлю под угрозу всю операцию.

Дмитрий внезапно улыбнулся:

– Ну, хорошо, Нют. Если вы не справитесь, то кого отправите вместо себя?

Лазарева вздрогнула. Бестужев сформулировал вопрос именно так: кого вместо себя? И это внезапно загнало в угол. Анна осмысливала возможный ответ. Оформился только один: она старший техник, она лично собрала почти всё оборудование, предназначенное к операции. Её ребята обслуживают базу или точки по наблюдательному периметру, но с опергруппой Бестужева и Багирова сработалась только она. Знает всех ребят по именам, и даже, чёрт возьми, по характерам.

Пинок, в буквальном смысле, для ускорения Гурьеву, чтобы быстрее поднимался, отвечивался лично ею самой не раз. Но зато на него можно было потом пару сумок навесить. Гриша вес не замечал. После разгона, уже не тормозил. У Никитина реакция лучше всех – пригибал головы техников за миг до разлёта осколков. Рома Конев – молодец, первый выходил прикрывать, если приходилось бежать по открытому участку. Уже даже не обсуждалось. Багиров только успевал крикнуть: техника прикрыть! И было понятно кому это адресовано.

– Ну? – Дмитрий внимательно смотрел на Анну.

– Чёрт... – прошептала она, ещё обдумывая.

Она точно не имеет права послать кого-то вместо себя. А Бестужев никогда не принимает необдуманных решений.

– Нют, понятно, почему ты должна быть в команде? – спросил он.

Лазарева кивнула:

– Понятно.

Она даже не заметила, что майор перешёл на «ты».

– Выезжаем завтра в восемь, – сказал Дмитрий.

Анна стояла ещё мгновение:

– Есть, товарищ майор. Разрешите идти?

При этом вопросе Бестужев засомневался. Не хотелось отпускать Лазареву так быстро, ещё есть время подержать её рядом, но...

– Идите, лейтенант, – разрешил Костя.

Все вопросы выяснили, пора отпустить девушку на отдых. Тем более что времени на него мало, а Дмитрий его в своих планах вообще не учитывает.

Лазарева быстрым шагом покинула конференц-бокс.

Костя проводил её взглядом, и посмотрел на Бестужева:

– Ты уверен?

Тот подумал секунду, но ответил утвердительно:

– Уверен.

Потом сел напротив, оглядывая линию маршрута, нарисованную Багировым.

– Она в норме, просто ещё не поняла этого, – добавил Дмитрий.

– Это улей, Дим, – заметил Костя, – даже я не в норме. Мы можем завтра оттуда не выйти.

Если войдём вообще...

– Ты сам-то кофе будешь? – Бестужев легко перешёл на менее тревожную тему.

– Буду, – Костя бросил карандаш на стол и отправился к кофе-машине. – Кто откажется-то?

Он налил себе напиток, сделал глоток, и насмешливо взглянул на Дмитрия:

– Лучше бы просто сказал ей, что она тебе нравится.

Бестужев помолчал, обдумывая ответ.

– Не вовремя, – наконец выдал он.

– Не вовремя, – Костя усмехнулся. – Ну, ты молодец. А если тебя завтра сожрут?

– Вот именно. Пусть пока так рядом побудет.

– Ты о живом человеке говоришь, – нахмурился Багиров. – А так слышится так, будто о новых часах.

– Завтра присматривай за ней, – внезапно сказал Дмитрий.

– Да я вам пастух что ли? Овцы, блин... – взъелся Костя.

– Присматривай за ней, – серьёзно повторил Бестужев.

– Я присмотрю, – без сомнений ответил Багиров. – Не потому, что просишь, а потому что она член моей команды. Но ты заканчивай так относиться к людям.

Дмитрий согласно кивнул.

5.

Взвод техников поднялся в пять, за час до подъёма. На подготовку выезда команды главного учёного нужно было дополнительное время.

Анна размещала в сумках радары, планшеты, батареи, ремонтный комплект и «билет в улей» от майора Бестужева. Все устройства вместе со штатными шлем-противогазами десантников принесли с утра в мастерскую. Так что техники толпились у стола и при этом мешали Лазаревой собраться с мыслями.

Она даже не успевала думать о том, почему трясутся руки, в темпе проверяя каждое устройство на диагностической платформе. Ей надо было знать, как оно устроено до мельчайших деталей. Если что случится – чинить ей. Плюс к этому камуфляжу шло специальное программное обеспечение. Его нужно было установить на два полевых наручных компьютерных планшета, чтобы контролировать работу устройств. Но этим сейчас занималась Галя Понева вместе с парой ребят.

– Если всё это будет работать внутри улья, конечно... – доносилось до уха Анны. – И если зайти успеют.

– Так, мать вашу! – рявкнула Лазарева. – Без вас тошно!

Техники умолкли. Да, последнее, что можно было сделать сейчас – это окончательно придавить лейтенанта сомнениями.

– Всё нормально будет, – Галя подошла к Анне. – Бестужев, хоть и вредный, как скотина, но он не ошибается. А этот камуфляж ему собрали инженеры генлаборатории, так что накладок быть не должно.

– Всё, лейтенант, упаковались, – доложились техники.

Как раз за секунду до того, как в расположение заглянул дежурный:

– Лазарева! «Алмаз» готов к выезду, как тут у тебя?

– Готова, – ответила Анна. – Три минуты.

На столе стояли две готовые сумки.

– Всё в машину, – кивнула Лазарева своим ребятам и побежала одеваться в новую форму.

Помимо шлемов весь камуфляж включал комбинезон с капюшоном и подшлемником, пропитанный изолирующим раствором и выкрашенный в чёрно-сине-фиолетовые цвета под расцветку улья, а также специальный бронежилет, рассчитанный на удар двадцатисантиметрового когтя по касательной.

В обычной тканевой одежде без пропитки возле улья делать было нечего. От изолирующего противогаса в камуфляже тоже отказались. Лицевая часть ограничивала восприятие окружающей среды и звуков, уменьшала поле зрения. Плюс вместе с баллоном и всей дополнительной амуницией он существенно добавлял вес десантнику, а это была прямая угроза выносливости и скорости. Да и время использования – всего три часа, было неприемлемо.

Так что использовался шлем со встроенным противогасом, к которому Анна присоединила принципиально новую систему обратных фильтров – «хамелеон». В обычном противогасе выдыхаемый воздух выходил наружу, но в улье категорически было нельзя выдыхать. Биологическая защита, нацеленная на распознавание людей, реагировала на всё. Выдыхаемый углекислый газ, запахи, частички кожи, да чёрт его знает на что ещё. Поэтому «хамелеон» должен был произвести фильтрацию выдыхаемого воздуха, собрать данные о составе среды вокруг своего объекта и отслеживать, чтобы этот состав не менялся. Если воздух покажет присутствие человека, специальные всасывающие форсунки должны очистить зону вокруг объекта.

Лазарева оделась, взяла оружие, свою личную сумку техника, и побежала на улицу.

Армейский внедорожник «тигр» стоял перед воротами. Десантники уже загрузились. Костя, увидев Анну, призывно махнул ей рукой. Напротив него как раз осталось свободное место сразу за передним креслом, где сидел Бестужев. Лазарева быстро поднялась в салон, села, убрала оружие в держатель на боку сидения.

Майор обернулся к ней:

– Как настроение, Нют?

– Мы вроде не в неформальной обстановке, – заметила Анна. – Лейтенант Лазарева.

– Хорошо, лейтенант, – согласился Дмитрий.

На приборной панели машины зажёгся дисплей видеосвязи с оперативным центром – вагончиком, окружённым антеннами и станциями дронов, расположенным в самом центре огороженного восьмиугольника базы. На экране возникло лицо старшего группы наблюдения лейтенанта Самойленко и полковника Матвеева за ним.

– Майор, центральный командный пункт управления округа только что присоединился к наблюдению, – произнёс Самойленко, – генерал Королёв на связи. Хочет с вами поговорить.

– Давай, – кивнул Дмитрий.

На дисплее появился трёхъярусный зал ЦКП штаба округа в Екатеринбурге. Генерал Королёв находился не у себя в кабинете на втором уровне, а возле операторов. Светился центральный экран во всю стену и мониторы на рабочих местах.

Полковник Мун со своей группой тоже был здесь. Ребята прикатали себе кресла, чтобы разместиться за операторами. Так было удобно видеть всё, что происходит на экранах.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – Бестужев засмеялся, осмотрев обстановку в ЦКП. – Зря собрались, дальше улья всё равно ничего увидите. У периметра связи не будет.

– Доброе утро, майор, – сказал Королёв. – Будем сопровождать вашу операцию, сколько сможем и докладывать в генштаб в реальном времени. Ты знаешь, сколько народа сейчас на вас смотрит?

– Примерно, – ответил Дмитрий. – Мы готовы. Дайте добро.

Королёв молчал секунду, потом кивнул:

– Добро, майор. Удачи.

Анна посмотрела из машины на улицу, тяжело вздохнула:

– Да, сбежать уже не выйдет.

Костя услышал это, улыбнулся.

– Всё пройдёт нормально, – ободряюще сказал он.

Дмитрий дал команду водителю:

– Поехали.

6.

Толстое полотно ворот отъехало в сторону, открывая дорогу в жёлто-зелёную степь с неровной линией горизонта, лежащей на холмах. Сейчас, ранним утром, небо вдалеке оставалось тёмным, а над головой уже разливался прозрачно-золотой свет встающего солнца. Бетонное ограждение базы было выстроено с учётом его восхода и захода, чтобы светило не било в глаза выезжающим утром, и не мешало возвращаться домой вечером. Так что сейчас, в проёме между бетонными стенами была только спящая степь.

Машина выехала и отправилась по накатанной пыльной дороге. В салоне шли переговоры оперативного штаба с полевыми группами:

– «Вишня-2», «Алмаз» выехал. Вы на месте?

Огневой взвод уже должен был занять позицию в пяти километрах от улья.

– «Вишня-2» на месте, – ответили по рации.

– Приступайте.

Тихое утро взорвалось. В чистом поле далёкая канонада раскатилась, словно грозовой гром. РСЗО «Смерч» били по цели не меньше десяти минут. Минимальное время, необходимое для пробивания панциря и отхода с огневой точки. Наконец всё стихло, и блаженно быстро вернулась тишина.

Дмитрий внезапно обернулся к Анне, внимательно взглянул на неё.

– Видели кошмар сегодня? – спросил он.

Лазарева отрицательно покачала головой.

– А что вам снится? – дополнил Дмитрий вопрос.

Анна не удержала вздох недовольства. Чувством такта Бестужев не обладал. А может, специально влезал в душу без разрешения.

– В моих я вижу, как Альфа рвёт меня на куски, – произнёс он.

Лазарева вздрогнула.

– На много кровавых кусков, – спокойно говорил Дмитрий, – потом ест их по одному. Я чувствую, что мне больно. Чувствую, как исчезаю.

Он так и смотрел на женщину вполоборота, не теряя зрительный контакт. Видя, как меняется выражение её лица, вместе со сменой гнева на милость.

– И как всё заканчивается? – просила Анна.

– Я просыпаюсь, – улыбнулся Бестужев. – А что у вас?

Лазарева покачала головой, не желая отвечать, но...

– Ничего конкретного, – произнесла она, неожиданно для самой себя, – просто тону в какой-то синей жиже, не могу дышать. А они тянут меня, скручивают...

Анна передёрнула плечами от воспоминаний последнего такого сна. Просыпалась она от судороги с болью.

– Надо стрелять, – внезапно сказал Дмитрий.

– Что? – не поняла Лазарева.

– В следующий раз перед сном положите рядом оружие и смотрите на него. Мозг запомнит этот образ. Во сне сможете вызвать его и начинайте отстреливаться, а потом плывите. Наверняка среди моря жижи будет твёрдый остров.

Несмотря на серьёзность тона, Анну неожиданно разобрал смех:

– Да вы издеваетесь, майор?

– Нет, – Бестужев окончательно обернулся к ней лицом. – Это репетиционная терапия. Любой кошмар, даже самый нелепый или неточный можно разобрать на отдельные элементы и реструктурировать по своему сценарию.

- Да я знаю, – смеялась Лазарева, – просто пока не приходила мысль перестрелять их.
- Ну... попробуйте, – улыбнулся Дмитрий. – Поверьте, эффект будет.

Никитин сбросил скорость. В поле по правую сторону было видно пересекающие его КАМАЗы. Огневой взвод с позывным «Вишня-2» из трёх машин покидал позицию. Они выехали на дорогу позади десантников, приветственно посигналили фарами и отправились на базу.

Ландшафт впереди изменялся на пологий подъем, с высшей точки которого уже открывался вид на улей, так что Никитин свернул с дороги к ближайшим саксаулам.

Сухие деревца на этом маршруте пока оставались контрольной точкой. Здесь стояла автономная станция дальнего наблюдения – камеры с высоким разрешением на семиметровой мачте и датчики движения. Тут можно было оставить машину. Дальше на транспорте нельзя, следующие три километра только на своих двух.

Десантники одели шлемы, подключили «хамелеоны». Лазарева и Бестужев ещё пару минут разбирались с оборудованием. Сигнал с радаров, видео с камер в шлемах и личных датчиков десантников во время операции должны будут записываться на два наручных планшета у Анны и Дмитрия. Так меньше риск потерять данные. Если один планшет выйдет из строя, или кого-то не досчитаются на выходе... всё записанное в улье, останется на втором.

– Приоритет – доставка собранных сведений на базу, – жёстко сказал Бестужев группе. – Последний живой забирает любой из планшетов.

Убедившись, что камуфляж полностью функционален и оборудование готово, Дмитрий дал добро на начало операции:

- Костя, выдвигаемся.

Багиров кивнул своим, и десантники трусцой побежали на вершушку песчаного холма, там легли на землю. Лазарева задержалась, навешивая на спину сумку, но быстро догнала их.

С гребня, наконец, открылся вид на грандиозное инопланетное оборонительное сооружение биологического происхождения – ИОС (БП). С лёгкой руки военных – улей. ИОСом его никто не называл. В центральной части оно имело круглую форму, напоминающую перевёрнутое блюдце. К внешним границам приобретало форму бастионного сооружения, похожего на звезду из-за прорастающих сквозь землю треугольных укреплений. Высокие вертикальные отростки, напоминающие смотровые башни, расположенные в центре и по периметру, источали едва заметный свет. На их поверхности вспыхивали разряды тока. Эти электро-отростки выполняли функцию камуфлирующего экрана. Связанные в единую сеть, они создавали на всей территории гнезда пришельцев радиопомехи высокой плотности и магнитное поле. Именно поэтому нельзя было пролететь непосредственно над ульем. Электроника отказывала мгновенно. С ракетами и любым современным вооружением, имеющим электронную начинку, происходило именно это.

Башни служили также для генерирования электромагнитного импульса, способного вырубить средства нападения людей за десятки километров от внешних границ ИОСа.

Но главную опасность представляли стержни – вытянутые под углом отростки, размещённые набором по двадцать штук в каждой точке. Они опоясывали купол в несколько рядов. Это было оружие улья – устройство термо-светового удара. В зоне его поражения при выбросе бело-огненного облака не оставалось ничего живого, наверное, даже бактерий.

Недалеко впереди на фиолетово-синей поверхности виднелся участок, по которому била артиллерия. Там темнел провал с рваными краями.

Улей допускал такие незначительные атаки. Видимо, чтобы не тратить ресурс ударно-инерционной волны, которая исходила от всей его поверхности. Устройства её генерирования находились под куполом, и пока увидеть их не удалось.

Панцирь уже восстанавливался. Место, повреждённое взрывами, покрывалось строительной субстанцией.

– Охраны нет, – произнёс Костя, оглядывая периметр через оптику шлема.

Улей наблюдали уже три месяца. В период восстановления разрушений патруль появлялся в обычном режиме – раза два, три в сутки. Чаще не имело смысла, поскольку внешняя защита не допускала никого ни к повреждённым секциям, ни к любому другому участку.

– Двинулись, – приказал Багиров, и все побежали к провалу.

С каждым шагом Анна отставала. Но не потому, что не могла держать темп в полной амуниции. Тёмно-синие стенки сооружения становились ближе и выше. Виднелись ближайшие «люки» – круглые входы по всей окружности на равном расстоянии друг от друга. Сейчас они были едва заметны, потому что плотно запечатаны. И лучше бы так и оставалось.

Десантники смотрели под ноги. Земля с каждым шагом темнела, потому что сюда уже дотекла строительная субстанция улья. На глубине могли быть образованы подземные секции. А если это так, то в них уже сформирована защита. В любой момент поверхность могли прорезать шипы с режущей кромкой.

– Миновали пятьсот метров до внешней границы, – внезапно сказал Дмитрий. – Всё, спецназ, не волнуемся, «Хамелеон» работает.

Анна сверила расстояние лазерным дальномером. Всё верно. Пятьсот метров – охранная зона улья, шипы уже должны быть. Но земля не дрожала.

Костя первым добежал до места провала, заглянул внутрь. На каждом сантиметре повреждённого участка сочилась густая жидкость, вроде лимфы в человеческом теле. Внизу было темно. Десантники осветили пространство фонарями. Стало видно довольно ровный серо-синий пол, примерно на глубине двух метров от панциря. С учётом ширины самого панциря получалось почти четыре метра от поверхности. Внизу всё покрывал толстый слой прозрачной субстанции.

Десантники закрепили подъёмные устройства на краю, сбросили вниз канаты с автоматическими подъёмниками, чтобы потом подняться.

– Ну что? – Костя взглянул на Дмитрия. – Момент истины. Главный учёный даёт добро?

Десантники переглянулись. Несмотря на то, что все были давно морально готовы, разумное сомнение заставило сейчас взять секундную паузу. Всех, кроме Бестужева. У него сомнений не было. Он почти у цели, сейчас только вперёд.

Дмитрий кивнул:

– Заходим.

И прыгнул вниз. У Анны даже дыхание перехватило. Было слышно звук приземления и хлопанье, когда ступни человека попали в жижу.

– Взвод, вперёд, – приказал Костя.

Отставать было нельзя. Трое парней провалились в темноту друг за другом, а Багиров позвал Лазареву:

– Лейтенант, сюда.

Анна подошла к самому краю и шагнула вниз. Вернее, её толкнул Багиров. Сама бы она ещё подумала, но выбора Костя не оставил. Ноги Анны при приземлении промяли поверхность пола, и по щиколотки ушли в субстанцию.

Десантники уже заняли позиции вдоль стен. Они были влажными, как и всё здесь. И сияли. По тонким нитям, едва заметным на поверхности, мягко текло свечение. Пространство, в которое попали люди, оказалось широким коридором, уходящим вдаль. И был какой-то шум – малозаметный гул. От него будто вибрировал воздух.

Теплодатчики в шлемах передали картинку на лицевые мониторы: только бледно-жёлтое пространство.

– Чёрт, – выругался Костя. – Стены тёплые. Мы слепы. Лейтенант, как у вас?

Анна достала радар, вдавила его в мягкую поверхность стены. Даже крепить не надо было. Устройство плотно засело в мякоти.

– Так, посмотрим... – Лазарева быстро набрала команды на планшете, напряжено глядя на дисплей.

Вспыхнула точка передатчика, нарисовались первые линии. Обозначился тупик, в котором сейчас стояли десантники, сто метров коридора и ответвления в обе стороны него.

– Работает, – сказала Анна. – Запись карты пошла.

Тут было двойное чувство, если бы техника не заработала в улье, операция уже заканчивалась бы, но раз помех работе приборов нет...

Багиров кивнул своим:

– Взвод, у нас есть глаза.

Он заглянул в планшет, изучая появляющуюся карту. Радар брал толщину земли и строительного материала улья в радиусе трёхсот метров. За стенами коридора, в котором стояли люди, рисовались параллельные помещения.

– А это что? – спросил Костя, увидев в них конструкции, похожие на твёрдые стержни, вокруг которых были намотаны какие-то канаты, диаметром с полметра.

Анна, поняв что это, громко вдохнула. Мгновенно прошиб холодный пот. Они сейчас стояли буквально между Сциллой и Харибдой – на узком клочке пространства с обеих сторон защищённого охраной системой улья.

– Защитные шипы, интересно свёрнуты... – спокойно произнёс Дмитрий, рассматривая их на дисплее своего планшета.

Десантники обернулись, вопросительно глядя на учёного.

– К стенам сильно не прижиматься, – приказал тот.

Никитин опасливо оторвал плечо от поверхности.

– Похоже, мягкие, – Бестужев с интересом изучал спиралевидную структуру, – твердеют только на выходе.

– Очень интересно, – скептически заметил Багиров. – Дальше идём?

Дмитрий утвердительно кивнул:

– Защита нас не видит. Мегов рядом нет. Можно.

Костя взял Лазареву на плечо, передвинул за себя:

– лейтенант, держитесь за мной.

И кивком головы отправил Никитина и Гурьева вперёд. Команда двинулась в улей.

7.

С продвижением вглубь поверхности становились суше. Было всё также тепло и дул ветер. Когда миновали внешний периметр примерно с два километра шириной, впереди открылось огромное пространство.

С виду это было похоже на то, что улей внезапно кончился, будто команда вышла за городскую стену. А впереди оказалась пропасть, и над ней расположилось скопление сферической формы, состоящее из грандиозных, будто сплетённых из отростков улья шаров. Они висели в пространстве на тонких, едва заметных стержнях, исходящих от стен сооружения, которые едва угадывались вдалеке.

Но более всего поразило то, что находилось под этим необъятным скоплением, на дне пропасти. Улей врастал в землю на месте города. И его останки оставались в инопланетном сооружении. Горы кирпичей и бетонных плит обрушенных зданий, кусков асфальта, из которых торчали столбы, ещё держащие кабели линии электропередач, смятые машины, всё это словно слой мусора заполняло огромную, едва охватываемую взглядом площадь на глубине не меньше сорока метров.

– Устройства ударно-инерционной волны, похоже... – произнёс Дмитрий, полые сферы впереди, пока остальные не могли оторвать взгляда от того, что осталось от уничтоженного города.

Ещё минуту десантники стояли, осматриваясь. Дорога вперёд была, и прекрасная. Мост метров двадцать шириной входил точно в один из шаров и, похоже, вёл через него насквозь. Параллельно ему на разной высоте располагались аналогичные пути, пронзая всё скопление в разных направлениях.

Пространство этой части улья находилось под плотным броневым куполом, но темно не было. Своды сооружения и сферы вспыхивали яркими линиями бионейросети.

– Живые есть? – спросил Костя, заглядывая в планшет Анны.

Лазарева отрицательно покачала головой:

– Пока нет.

Никитин обернулся к Бестужеву:

– От входа больше двух километров. Ни одного часового.

Это явно был вопрос.

– Проникнуть через повреждённую секцию никто до нас не мог. Так что нет надобности, – ответил Дмитрий.

– И где все монстры? – спросил парень.

– Я откуда знаю? – усмехнулся Бестужев. – Вперёд смотри.

– Есть.

Багиров кивнул Анне:

– лейтенант, направление к центру улья. Двинулись.

Лазарева пошла впереди. Костя держался рядом, смотрел в планшет, и если Анна делала шаг дальше, чем на полметра, придерживал её. Потому что Лазарева начала торопиться.

Восприятие пространства улья становилось всё тяжелее. Стараясь не видеть ничего вокруг, кроме необходимого, Анна пыталась справиться с этой нагрузкой. Так что стала работать как машина. Чётко, молча, быстро, очень быстро. Устанавливала радары через каждые триста метров, проверяла их появление на дисплее, показывала Багирову новую секцию, появляющуюся в результате сканирования впереди лежащего участка, и шагала дальше.

Команда углубилась на пять километров. Сферы остались за спиной. Конструкции вокруг изменились. Стены стали толще и шире. И скоро просветы закрылись окончательно. Люди оказались в системе коридоров без потолка. Уровень пола шёл с повышением и броневой панцирь улья над головой тоже поднимался выше, словно гигантская крышка над чашей.

Неожиданно, новый коридор вывел в необычное пространство. Открылось плоское плато, испещрённое трещинами и наростами, обрывавшееся вдалеке. Было похоже, что впереди каньон. Противоположная сторона едва угадывалась.

Десантники мгновенно сели на корточки, прижимаясь к стенкам коридора. Перед тем, как выдвигаться на открытое место, нужно осмотреться. И перевести дух.

Костя вглядывался вперёд с минуту, и, убедившись, что всё чисто, показал Анне жестом, чтобы установила радар. Надо знать что впереди.

Лазарева добежала до ближайшего нароста, прилепила устройство и уставилась на планшет. На экране отобразился следующий участок. Анна с сомнением рассматривала его линии. Рисовалось довольно большое пространство со склоном округлой формы, будто уходящим в чашу. Радиуса действия радара не хватало для его полного отображения. Анна сообразила открыть второе окно: регистрацию живых организмов, и, увидев поле дисплея в горячем жёлто-красном цвете, замерла. Что-то не сработало в сознании. На мгновение отключился самоконтроль, Лазарева не дышала, не двигалась...

Она не сразу поняла, что кто-то отнимает от её дрожащих рук планшет. Оторвалась взглядом от дисплея, увидела перед собой Дмитрия. Тот поднял её голову, потянув за фильтры противозага.

– Нют, ну-ка разожми пальцы, уцепилась...

Бестужев выдержал насмешливый тон, чтобы Лазарева услышала и успокоилась.

Её накрыло. Лицо под маской было мокрым, взгляд пустым, дыхание тяжёлым.

Дмитрий повернул планшет к Багирову, показать, что впереди. Тот подбежал, быстро взглянул, махнул своим парням. Десантники двинулись между наростами вперёд, а Бестужев присел на корточки перед Анной.

Они могли позволить себе минутную остановку. Дмитрий знал, что Лазаревой нужна всего минута. Первые эмоции за это время пройдут, а дальше она совладеет с собой и сделает всё, что нужно.

За прозрачным пластиком шлема Анна крепко сожмурила глаза, сморщила нос, сжала зубы, всё одной гримасой, и мышцы лица резко расслабились. Она выдохнула. Дмитрий улыбнулся, глядя на это. Лазарева не подозревает, каким внутренним запасом прочности обладает. Но на войне – незнание собственных ресурсов и неумение ими пользоваться – путь к поражению. А Бестужев не хотел, чтобы Анна проиграла.

– Нют, время, – произнёс Дмитрий.

Лазарева покачала головой из стороны в сторону, чтобы расслабить шею и пустить кровь по сосудам в мозг.

– Да...иду, – прошептала она.

– Я же говорил, не нужны тебе уколы, – усмехнулся Бестужев. – Всё, давай за мной.

Он пошёл за десантниками, но Анна сидела ещё мгновение, глядя ему вслед.

Парни легли впереди у самого края площадки и, прижавшись к поверхности, смотрели на огромное, тонущее в прозрачно-синей дымке чашеобразное пространство улья. Лазарева не видела их лиц, но десантники молчали и не двигались, просто глядя вниз. Должно быть, открывшееся зрелище ввело в ступор даже их.

Анна доползла до парней, заглянула в «чашу». Поблёскивающие электросетью стены грандиозного углубления по всей высоте опоясывали широкие ярусы и на каждом... находились мегистотерии.

Тысячам мощных монстров в общем гнезде не было тесно. Казалось, они в каком-то умиротворённом состоянии. Большинство из них спали, но остальные тёрлись друг о друга и о стенки, сквозь которые сочилась синяя жидкость. Слизывали её. Похоже, это было питание. Теория о том, что улей производит пищу из собственных клеток и кормит своих солдат, только что подтвердилась.

Люди видели такое впервые. Меги на поле были мощь и ярость в чистом виде. Во время мутации – это кровь и рёв, бешенство. Но сейчас улей был похож гигантский водопой. Хотя здесь не было тихо. Звук, который слышался с момента входа, наконец стал отчётливым и громким. Это шумел улей. Рычание и трение, плески жидкости, скрежет точимых когтей – всё это был улей. Но здесь было спокойно.

Бета-особи, которых отличал размер, прохаживались по уровням, словно часовые.

– Охренеть, – Костя всё-таки сказал это вслух.

Ожидали стычки на первом же повороте и выхода с боем. А прошли всё до центра, и в расположении монстров по расписанию тихий час.

Дмитрий внимательно изучал главную секцию сооружения. В середине стояла огромная башня, метров двести высотой, напоминающая своей формой пшеничный колос. Её окружала конструкция опор.

Саму гигантскую чашу на разных уровнях пересекали десятки узких мостов из затвердевшего строительного материала улья. Многие из них подходили к открытым площадкам центральной башни и вместе с ней действительно были похожи на ости – отростки настоящего колоска пшеницы.

По дну чаши текла жидкая субстанция. Несколько заполненных ею каналов пересекали пространство, огибая плоский остров из твёрдой породы посередине.

Бестужев внезапно вернулся взглядом к башне, поняв, что пропустил...

– Есть, – прошептал он.

Несмотря на плотно окружавшие «колос» опорные конструкции было видно, что стены самой башни образованы тёмным, почти чёрным металлом. Это была стенка корабля!

Дмитрий не узнал его сразу, потому что единственным источником информации по сердечным кораблям оставались сделанные в момент их первого появления видеозаписи и фотографии. Но эти космические суда устремлялись на планету на огромной скорости, окружённые горячей в атмосфере внешней защитной оболочкой, и сразу пробивали землю, вкручиваясь в глубину. Поймать в кадр хоть какие-то подробности было нереально.

Их назвали сердечными кораблями не по каким-либо внешним признакам, а по сути выполняемой ими функции – они инициировали образование улья, и, в общем-то, действительно являлись его сердцем – глубоко упакованным под все слои брони и средства защиты.

А сейчас оголённый корабль, словно гигантский стержень, стоял в центре инопланетного организма, который вырос из него, словно из семечка, запрограммированного на рост гигантского дерева на другой планете. Деревя, в котором будут жить и кормиться все его обитатели.

Полная высота корабля составляла не меньше трёхсот метров. Но примерно на сто из них он был погружён в толщу земли. Дмитрий приблизил изображение на встроенной в шлем видеокамере. Стало видно, что площадки, виднеющиеся по всей высоте – это опущенные борта. Они выделялись за счёт гладкой металлической внутренней поверхности и соединяли корабль с опорными конструкциями. Эти площадки были равномерно раскрыты по всей высоте космического судна, и в общем соединении всех архитектурных элементов, образовывалась структура прикорабельных помещений на каждом этаже. Корабль стоял, словно дом в строительных лесах.

Бестужев напряжённо думал, как и Багиров. Но Костя в отличие от Дмитрия, пересчитывал взглядом бета-особей.

– Можно пройти по верху, по краю чаши, – прошептал Бестужев. – Спустимся вон оттуда...

Один из мостов-остей вёл на верхнюю борт-площадку.

Но Багиров внезапно ответил:

– Нет. Задача минимум выполнена, «хамелеоны» опробованы. Уходим.

Дмитрий перевёл на него удивлённый взгляд, выражением лица спросил:

– Какого... твою мать, ты вякнул?

– Я сказал нет, – повторил Костя.

Бестужев ещё секунду осознал причину, и, поняв её, недовольно сжал зубы. Из-за этого его голос прозвучал не похоже на себя.

– Багиров, не мешай мне, – прошипел он.

Даже через маску было видно, как играют желваки на лице Дмитрия. А тёмным взглядом сейчас можно было убить. Но Костя, услышав его: «не мешай мне» резко обернулся, схватил Бестужева за фильтры шлема и дёрнул к себе.

– У нас карта половины сооружения, схема остей в чаше, внешняя съёмка корабля, – прошипел он, глядя глаза в глаза. – Изучим данные, спланируем проникновение и вернёмся, а сейчас уходим. Мы не готовы двигаться дальше. Ты меня понял, майор?

Дмитрий смотрел на него ещё секунду. Было понятно, что Багиров упёрся намертво. Бестужев знал, о чём он думает. Чаша, заполненная монстрами. Да, они выглядят, как будто находятся в анабиозе, но беты не спят. Одно дело пройти по пустым коридорам и совсем другое на виду у офицеров армии мегов. В таких условиях Костя своими людьми не рискнёт. Но отказ от продолжения операции – это потеря времени и шанса получить данные по Альфе и сердечному кораблю прямо сейчас. Времени ждать нет, а резерв терпения исчерпан. Значит... сейчас Костя лишний, как и все остальные.

Дмитрий сбросил бронежилет очень быстро. Багиров успел схватить его локоть в захват, намереваясь удержать и прижать к земле, но...

Бестужев резко вывернул руку и молниеносно ударил Костю в лицевую часть шлема с такой силой, что крепкий десантник отлетел на пару метров.

Анна ринулась к нему в тот же момент. Удар в шлем! Одна трещина в пластике лицевой части и конец! Рука сама метнулась в сумку за баллончиком с репаративным спреем.

А майор, пока никто не успел отреагировать на его действия, прыгнул на край чаши и съехал вниз по ребристому склону до ближайшего уступа. Это было уже просматриваемое пространство. Человека,двигающегося на глазах бета-особей, прятал только раскрашенный в цвет улья камуфляж.

Багиров поднялся, показав Анне жестом, что всё в порядке, но при этом матерясь под маской, и приказал Никитину:

– Уходите.

– Без вас? – удивлённо спросила Лазарева, опередив Андрея.

Убраться отсюда – это она запросто, но без командира? И без главного учёного? Что происходит?

Костя напряжённо взглянул на неё, потом на планшет. Майор ушёл в самоволку вместе со своим компьютером и всеми данными на нём, но у Лазаревой дублирующее устройство. Значит, особо охраняемый объект только что сменился.

– Командир, ты куда? – прошипел Никитин, потому что Багиров тоже сбросил бронежилет.

Там внизу нужно быть легче. Придётся лезть по этим остям и прыгать, может бежать. Может, очень быстро бежать.

– Никитин, Лазареву под охрану, – ответил Костя. – Выводите её. На улице ждите пятнадцать минут, не вернёмся – уезжайте.

– Командир... – Гурьев собрался было возразить, но не успел.

– Выполняйте приказ, – бросил Багиров, уже съезжая по склону вниз. – Сукин сын, верну – сам убою.

Анна смотрела, как Костя выбрался на уступ и метров через пять перестал быть заметен на фоне сине-фиолетовой стенки, потом обернулась к парням. Никитин и Конев, хмурия брови, оглядывали обстановку в чаше.

– Мы же не уйдём? – напряжённо спросила Лазарева.

Андрей не сразу ответил. Думал. Пока тревоги в лежбище мутантов не было. Или, может быть, так казалось.

– Потеряем главного учёного, можем не возвращаться, – сказала Анна.

Преувеличение было совсем не большим. Из всей команды важен только Бестужев. У Кости выбора – идти за ним или не идти, не было. Но кроме майора важны данные с камер и радаров – видеозапись и карта улья. Здесь приказ был понятнее некуда, так что Никитин кивнул Гурьеву:

– Эскорт для лейтенанта до выхода. Охрана собранных сведений. Лазарева, уходи.

– А вы? – Анна с тревогой взглянула на парней.

Никитин и Конев всё-таки решили подождать командира.

– Пятнадцать минут, – ответил Андрей, – не придут, двинем за вами.

Гриша показал Лазаревой жестом, чтобы следовала за ним, и отполз назад:

– Ждём у выхода.

8.

Дмитрий выбрал одну из борт-площадок, открытых в прикорабельную конструкцию. За ней виднелось пространство довольно большого отсека. Металлический пол там, метров через пять от входа, обрывался, и начиналась... вода.

Нет, конечно, не вода. Здесь её быть не могло.

Бестужев сошёл с ости на борт-площадку, осторожно двинулся вперёд, рассматривая внутреннее содержимое отсека. То, что он видел впереди, было субстанцией улья, но жидкой и бесцветной. Абсолютно прозрачная, она не скрывала уходящее глубоко вниз, полностью затопленное помещение.

Дмитрий миновал проем входа в корабль и, оказавшись внутри, замер. Казалось, сердце сжалось. Стало таким маленьким, что грудь опустела.

В центре отсека на металлическом возвышении лежал Альфа. Бестужев не увидел его издали, потому что кожа насыщенного серо-зелёного цвета с блестящими прожилками делала монстра незаметным на фоне остального тёмного металла.

Если бы не дыхание, едва заметно поднимающее мощную грудь, его можно было бы принять за детально обточенный, похожий на живой оригинал железный монумент в огромном круглом зале корабля. Отчётливо был виден каждый позвонок на изогнутом позвоночнике и чешуи брони на спине, груди и лапах.

Альфа спал. У себя дома, на своём нагретом месте.

Дмитрий всё стоял. На какое-то мгновение контроль был потерян. Резко заняла боль в ногах. Та самая, из-за которой полгода назад он не смог выбраться из-под завала. Из-за которой просто смотрел, как разрываются на части те, кого он любил. Но тогда боль была реальна, потому что мышцы были оторваны от костей. А сейчас...

Бестужев опустил взгляд. Его ступни в пропитанных изолирующим раствором ботинках стояли на полу космического корабля внутри улья пришельцев. Первый шаг там, где ещё не был ни один человек. Так что никакой фантомной боли, есть только боевая задача. Пора выполнять.

Дмитрий осмотрелся. Пространство между ним и Альфой занимал наполненный субстанцией бассейн. Над её поверхностью, лучами от центрального возвышения к периметру, расходились металлические полосы, вроде узких мостов без перил. Они лежали на рядах затопленных колонн, уходящих на глубину примерно метров семь.

В толще субстанции пульсировал блеск совсем тонкой нейросети. Даже не сразу были заметны её паутинные нити, опутывающие колонны. Но при каждом касании их гладкой поверхности, вспышки света растекались по линиям, образованными... символами.

Увидев каскады знаков на колоннах, Дмитрий присел на корточки, заглядывая в глубину. Соединения множества символов напоминало рисунок микросхем. Ещё нигде, ни на поверхности улья, ни сейчас внутри, они не видели никаких признаков наличия знаковой системы.

Поэтому так трудно было понять управление боевыми ресурсами улья. Какие-либо панели управления в привычной для человека форме отсутствовали. Не было кнопок или мониторов, ни прозрачных, ни голографических, никаких. Лишь жидкая и твёрдая броня, и живая нейросеть. Во время сражения всё тело улья буквально превращалось в боевое существо, реагируя на любые виды атаки, отражая снаряды и бомбы ударно-инерционной волной, сбивая ракеты электромагнитным импульсом, расплавляя и выжигая световым ударом всё живое и неживое, что рисковало оказаться близко от его границ.

Как это существо в действительности получает команды, никто не видел. Но сейчас, металлическая конструкция, на которую смотрел Дмитрий, вызвала ассоциацию со стеллажами библиотеки, расставленными лучами от центра. Нейросеть между ними явно выполняла функцию передачи данных. Нити подключались к символам, отключались, подключались к другим.

От огромного БПУ Альфы, занимавшего всю его спину тоже тянулась связка светящихся кабелей, соединённых на глубине с разъёмами в одной из колонн. Командующий улья не просто спал. Колыбельную в режиме он-лайн ему исполнял компьютер корабля. Возможно, передавал новую программу действий, может чему-то обучал, может, это был сеанс связи с хозяевами.

Бестужев поднялся с корточек, прошёл по периметру помещения, чтобы оказаться у Альфы за спиной, и шагнул на мост. Ступая медленно и осторожно, не издавая звука, он подошёл к главной особи.

Ещё никто и никогда не был так близко. Настолько близко, что можно коснуться, можно взять кровь... можно умереть за долю секунды, если Альфа проснётся.

Дмитрий вытащил из кармана устройство-перехватчик, поднёс его к пульсирующему кабелю, свитому из тонких нитей нейросети. Перехват сигнала должен был начаться автоматически. Какую бы информацию не получал командующий улья от корабля, устройство запишет её.

Стоя так близко рядом, Бестужев засмотрелся на Альфу. Намётанный глаз выхватил особенные изгибы по всему позвоночнику и на плечевых костях, даже на рёбрах.

Дмитрий приставил перехватчик к возвышению и медленно двинулся вокруг, чтобы осмотреть главную особь. Время для Бестужева замерло, хотя на самом деле оно шло. Мозг обрабатывал новую информацию с бешеной скоростью. Дмитрий понял всё, что видит.

БПУ мегистотериев выросло внутри организма во время мутации, но на Альфе, под кожей, помимо обычного БПУ, было надето что-то ещё – вроде сбруи. Это точно была внешняя структура. Её отдельные фрагменты в виде тонких металлических дуг выходили наружу над рёберными костями и позвоночником.

На поле боя командующий улья мог вырубать любую технику, прикрывал мегов «личным щитом». Устройства электромагнитного удара и ударно-инерционной волны относительно небольшой мощности были встроены именно в эту сбрую. И похоже, первая особь улья ничем не отличалась от бета-особи, кроме этого специального устройства. А значит, назначение сбруи возможно не только в дополнительном вооружении Альфы.

Дмитрий протянул к нему ладонь. Тело мегистотерия, словно в сауне покрывал тонкий слой конденсата, стекая каплями на площадку.

Чёрт, стоять рядом и ничего не сделать! Не взять образец мутагена, чтобы наконец получить генетический код обратной мутации, вернуть обращённых людей и защитить остальных. Когда, если не сейчас? Когда снова представится такой шанс?

Дмитрий ещё думал над этим, но внезапно на борт-площадку в арке прикорабельной конструкции спрыгнула бета-особь.

Бестужев молниеносно присел низко к полу. Он не успел испугаться даже в следующий миг, когда по линиям БПУ беты промчалось пульсирующее свечение, указывая на то, что он устанавливает связь, и также ответило БПУ Альфы.

В тот же момент поднялись веки, открывая бело-металлические глаза спящего мгновение назад монстра. Сократились под кожей мышцы, легко и бесшумно поднимая мощное тело. Альфа тряхнул головой, взбадриваясь, и шагнул со своего возвышения.

Но человека за его спиной уже не было. В тот момент, когда мегистотерий сделал первое движение, Дмитрий закрыл клапаны фильтров шлема, шагнул назад, наступил на субстанцию и бесшумно ушёл в неё с головой. Погружение могло дать ему ещё две минуты. То время, что он умеет не дышать под водой.

Сквозь кристально-чистую жидкость Бестужеву было частично видно возвышение. Альфа всё ещё стоял там. А вокруг Дмитрия сверкали живые нити нейросети, и на стройных колоннах вспыхивали ювелирно выполненные символы.

Это помещение, как и весь корабль, слишком сильно отличалось от улья. Словно технологии двух разных цивилизаций соединились в одно. Сбруя Альфы точно принадлежала создателям кораблей и этого грандиозного компьютера. Сами мегистотерии не смогли бы создать ничего подобного. Их пальцы и когти просто не приспособлены для работы с такими устройствами. Их родная стихия – улей. Химические анализы показывали наличие общих элементов

в биологических тканях мегистотериев и в строительном материале улья. Возможно, это часть экосистемы, изъятая с их планеты и подчинённая управлению супер компьютера.

Воздух в лёгких заканчивался, но Бестужев смотрел на идеальной формы конструкции, выполненные из металла. Колонны опирались на гладкий, будто украшенный рисунком пол, на котором лежал диск, пересечённый светящейся линией. Видимо, это был вход в следующий отсек корабля. Но все элементы вместе создавали парадный зал античного дворца.

Такую технологию и архитектуру могли создать существа, как минимум с конечностями, способными записывать и наносить на металл символы своего языка. Хозяева вполне могли оказаться человекоподобными.

Всё, воздуха осталось на последние секунды...

Дмитрий посмотрел вверх. Возвышение было видно не полностью, но Альфы на видимой части не было. Бестужев всплыл в тот же момент.

Чисто! Никого.

Он подтянулся на мост, добрался на четвереньках до возвышения, забрал перехватчик. Устройство отключилось, когда мегистотерий ушёл. Потухшие кабели нейросети лежали на его нагретом месте.

Дмитрий побежал к выходу, но оказавшись на борт-площадке, успел сделать всего пару шагов, как внезапно рычание заставило замереть на месте. Прямо перед ним с прыжка приземлился бета. Монстр, глядя на человека, пытался уловить то, что до сих пор успешно блокировал «хамелеон». Отсутствие полной информации затруднило принятие решения всего на секунду. Это позволило Дмитрию выхватить пистолет с глушителем из набедренной кобуры, прежде чем мег бросился в атаку.

Бестужев стрелял точно в пасть, чтобы разрывная пуля зашла в мягкие ткани, а не в броню. Бета рухнул в фонтане собственной крови, вырвавшейся из горла, прокатился в ней ещё пару метров, но Дмитрий не успел сделать и шага по направлению к ости. Что-то швырнуло его к стенке корабля.

От удара затылком о твёрдую поверхность на мгновение потемнело в глазах, ноги перестали держать. Бестужев рухнул бы на пол, но огромная лапа перехватила его через грудь и вдавила в стену. Страх прокатился в сознании Дмитрия короткой волной, едва он осознал, что произошло – его держал Альфа.

Серый круг зрачка в глазах мегистотерия окружала радужная оболочка цвета раскалённого добела металла, окаймлённая желтоватым контуром. Отражение в ней было чётким, словно в идеальном зеркале. Дмитрий видел себя. Но лицевая часть его шлема отражала Альфу, и казалось, что они слились в одно. Наложившись друг на друга отражения словно создали новое существо – Альфа-человека с пустыми белыми глазами.

Действие эффекта неожиданности для главной особи заняло не больше пары секунд. То, что перед ним человек, не вызвало сомнений. Но почему на него не отреагировала охранная система? Два острых когтя упёрлись в маску, а в следующий миг мегистотерий проткнул насквозь пластик, и вместе с ним щёки человека. А потом сдёрнул шлем с его головы, сдирая кожу, рассекая губы наискосок.

При таком уровне адреналина Бестужев не почувствовал боли. Хриплый выдох был единственным звуком из его горла. Долю секунды заняло сопротивление вдоху, но он вдохнул. Воздух улья прошёл в лёгкие, оказался тёплым, влажным, с незнакомым запахом. Дышать им было легко, будто его насыщало больше кислорода. Мешала лишь кровь, стекающая в рот по разрезанному лицу.

Альфа приблизился мордой к человеку вплотную, рассматривая. Он привык к страху, его запаху и отражению в глазах, но сейчас его не увидел. В этой особи была только злость. А это интересно...

Дмитрий замер на мгновение, осознав этот взгляд. Мегистотерий смотрел с интересом, щурясь. Этого ещё никто не видел – живой, эмоционально наполненной мимики звериной морды. Альфы не вступали в контакт с людьми, если не считать за контакт убийство и ввод мутагена. Но после такого взаимодействия не оставалось того, кто мог бы описать презрительную ухмылку, приподнявшую мышцы пасти.

Ещё одна теория подтвердилась. Альфа не мог быть простым исполнителем, без собственного разума ему не удалось бы управлять сложными боевыми ресурсами улья. Но у Бестужева не осталось времени на осознание всех последствий этого открытия.

Из-за державшей его лапы, он мог выстрелить только под углом в грудь, прямо в броню. И хотя это было бесполезно, Дмитрий всё-таки нажал на спусковой крючок, вызвав лишь краткий всплеск недовольства на морде Альфы. Пуля отскочила от чешуи, а мегистотерий раскрыл пасть, обнажая язык и серебристо-белую трубку, свёрнутую вдоль его бока.

Сейчас всё закончится...

Бестужев отчётливо это понял. Всё было зря, он проиграл. Альфа обратит его, и шансы наказать расу хозяев канут в Лету вместе с ним. Он переоценил свои силы и вступил в бой один на один. Преждевременно! Костя не позволил бы ему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.